

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

ОИБИРИАДА

Капитан
Невельской

Освоение Дальнего Востока

Николай Задорнов
Капитан Невельской

«ВЕЧЕ»

1958

Задорнов Н. П.

Капитан Невельской / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ»,
1958 — (Освоение Дальнего Востока)

ISBN 978-5-4444-8591-0

Роман «Капитан Невельской» – это произведение о первой русской экспедиции на Амур и Камчатку, о выдающейся роли известного русского исследователя Г. И. Невельского в открытии и изучении Дальнего Востока. Книга рассказывает о сложной, драматичной истории заселения русскими людьми устья Амура, начала освоения Приморья и Сахалина. В центре романа – образ капитана, впоследствии – адмирала Г. И. Невельского, путешественника и ученого, флотоводца и дипломата, патриота России и самоотверженного защитника ее интересов.

ISBN 978-5-4444-8591-0

© Задорнов Н. П., 1958

© ВЕЧЕ, 1958

Содержание

Книга первая	6
«И на Тихом океане...»	6
Часть первая. Охотское море	7
Глава первая. Охотский тракт	7
Глава вторая. Путешественницы	11
Глава третья. У Океана	14
Глава четвертая. Салюты	17
Глава пятая. Авачинская губа	21
Глава шестая. Морское путешествие Муравьева	26
Глава седьмая. Хозяин	30
Глава восьмая. Городничий и Завойко	34
Глава девятая. Военный совет в Аяне	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Задорнов

Капитан Невельской

© Задорнов Н. П., наследники, 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Книга первая

«И на Тихом океане...»

(вместо предисловия)

Отец считал, что многие русские ученые и путешественники, сделавшие в истории величайшие открытия, несправедливо забыты.

Своими романами он хотел привлечь внимание к тем значительным событиям в российской истории, о которых так не любят теперь упоминать на Западе, где историки считают, что все главное в мире происходило по европейской указке.

Например, во время русско-турецкой войны, побеждая русскую армию в Крыму и на Черном море, союзные войска французов и англичан решили сделать своими колониями Камчатку и Приморье, отняв их у России. Индии и Африки им казалось недостаточно. Военная союзническая эскадра подошла к берегам российского Дальнего Востока. Однако горстка русских казаков с помощью крестьян-переселенцев без всяких указов из Петербурга так разгромила ненасытных колонизаторов, что западные европейские историки навсегда вычеркнули это сражение из своей летописи. А поскольку в Министерстве иностранных дел Российской империи работали те же французы и немцы, то и в отечественных анналах об этих битвах, естественно, не говорилось ни слова.

Однако такая победа стала возможна не только благодаря героизму русских солдат и офицеров, но и тем географическим открытиям, которые за несколько лет до русско-турецкой войны сделал один из достойнейших российских офицеров – капитан Г. И. Невельской. Он практически вывел Россию к берегам Тихого океана, исправил неверные карты, которыми пользовались на Западе, доказал, что Сахалин – остров, а Амур – не менее полноводная река, чем Амазонка!

Для того чтобы написать романы о тех событиях – «Капитан Невельской» и «Война за океан», отец много работал в ленинградских и лондонских архивах, даже совершил недельное путешествие по морю на паруснике, подобном военному бригу того времени. Изучил кораблестроение, паруса, мачты, реи и... научился вязать морские узлы.

Отец не был партийным. Он был слишком романтиком, чтобы жить в неромантическом партийном настоящем. Он жил в мечтах о нашем благородном прошлом. В его романах, как на широкоформатной сцене, участвуют сразу и цари, и офицеры, и моряки, и переселенцы... Казаки и декабристы... Их жены и любимые... Несмотря на явно приключенческие сюжеты романов с невероятными, порой даже авантурными ситуациями, отец оставался всегда исторически достоверным. Если бы он был юмористом, я бы посоветовал его романы печатать под рубрикой «Нарочно не придумаешь».

Михаил Задорнов

Часть первая. Охотское море

Это был энергический, горячего темперамента человек, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически, чистый нравственно. Один из знавших его пишет: «...более честного человека мне не случилось встречать». На восточном побережье и на Сахалине он сделал себе блестящую карьеру в какие-нибудь пять лет, но...

А. П. Чехов. Остров Сахалин

Глава первая. Охотский тракт

Среди редких берез раздавался перезвон колокольцев. Хлюпая копытами по болоту, по зарослям прошлогодней травы продвигался караван всадников. Впереди на низкой и толстой гнедой лошади ехал якут в халате из солдатского сукна, с ружьем за плечами и с ножом в деревянных ножнах. Несмотря на жару он был в суконной шапке, подбитой мехом куницы. Там, где белый сухостой трав становился плотным, якут раздвигал его руками, подымая тучи мошки и комарья, а его гнедой конь с треском ломал дудки старых стеблей и втапывал их подковами в мокрую свежую зелень.

Следом ехал рослый молодой казачий урядник, сероглазый и скуластый, с редкими жесткими русыми усами. За ним старые и молодые якуты верхами вели одну за другой выючных и запасных лошадей.

Это шел передовой отряд. Люди в нем были опытными проводниками по тайге. Сопровождая казенные караваны и путешественников, не раз проходили они тысячеверстный путь от реки Лены через хребты к берегам Тихого океана и обратно с караванами пушнины и шкурами морских зверей, привезенными на судах в Охотск из Русской Америки. Но никогда еще ни одному из них за все время существования тропы не приходилось сопровождать такую важную особу, как в этот раз.

Выюками везли одежду, теплые одеяла, ковры, палатки, консервы, ящики с винами, сахар, крупы и фрукты, поросят в клетке и живых баранов на крупах коней.

Урядник то и дело поглядывал на одну из лошадей, несшую на себе два длинных полуторааршинных ящика. Это был самый важный груз. В ящиках уложен, как называли господа, «несессер», или, попросту говоря, посуда. Урядник знал, что если эта посуда разобьется, то с ней вместе рухнет и вся его карьера, и никакими подвигами дела потом не поправишь. В ящиках находилось все, что нужно для того, чтобы накрыть стол на семь человек, привыкших жить в свое удовольствие. Там был даже всегда сверкавший самовар, который восхищал якутов своим устройством.

Тут же ехал господский повар Мартын, плотный мужчина со строгой мясистой физиономией. Отряд потому и шел впереди, чтобы повар успел, когда подъедут господа к месту привала, приготовить к обеду закуску, суп, рыбу, жаркое, сладкое. Один из казаков, опережая всех, добывал дичь. В селениях известно было, кто едет, встречали гостей свежей провизией, били последних кур, резали телят. Мартын считался в отряде важной персоной. Он ел с барского стола. Все знали, что повар получает жалованья шестьсот рублей серебром в год – куда больше, чем многие чиновники в Аяне, в Охотске и даже в Якутске. Поэтому в передовом отряде беспрекословно исполняли все его повеления.

Когда всадники поднялись по заболоченному склону на возвышенность, урядник оглянулся. Внизу, среди моря мертвых трав и редколесья, змеей залегла вытоптанная караваном

тропа. А далеко-далеко – только очень зоркий глаз мог разглядеть – чуть виднелись какие-то белые острые предметы.

«Эвон сам-то!» – подумал урядник. – А ну, давай живей! – прикрикнул он на якутов и, хлестнув своего коня плеткой, поскакал, обгоняя караван, так, что грязь полетела из-под копыт. Якуты защелкали языками и погнали лошадей. Караван быстро пошел на подъем. Начинались западные отроги хребта. За этими холмами далеким синим облаком всплыл Становой кряж, а где-то там, за ним, был океан.

Урядник осадил коня, осматривая мчавшиеся мимо выюки. Он поскакал следом за огромной продолговатой коробкой из листового железа. Углы ее были закруглены. Она походила на громадный футляр для гитары.

– Н-ну! – пригрозив плетью лошади, несшей на себе этот предмет, воскликнул урядник. – Никак музыку таскать не привыкнет! Все ей чё-то мерещится... Н-но... Какая тебе зараза чудится?... Гудит, что ли, в ей? Пошла... Ково бояться?

Верховые якуты с урядником и поваром и выючные кони вытянулись вереницей, огибая полосатую стену из огромных, чуть позеленелых могучих белых берез и бурых лиственниц, над которой круто шел вверх кудрявый от леса склон сопки. Вскоре передовой отряд исчез.

Через полтора часа на эту же возвышенность поднимался второй отряд. Впереди ехал якут с седой бородкой клином, с черными глазами навывкате, белки их были желты и в кровавых прожилках. Конь его пег и лохмат. На плече у якута сидел сокол.

За ним следовал молодой якут с ружьем за плечами и с глиняным горшком на крупе лошади, на который была положена кошма. В горшке дымились гнилушки, отгоняя мошку и комаров.

На белогубом вороном жеребце ехал плотный человек в плаще и в генеральской фуражке. Лицо его было прикрыто черной волосяной сеткой, а затылок и уши затянуты белым чехлом, надетым под фуражку.

Это Муравьев – генерал-губернатор Восточной Сибири. Он направлялся к морю, желая видеть весь свой великий край, а особенно Камчатку с ее превосходной Петропавловской гаванью.

Еще в прошлом, 1868 году, Муравьев обещал государю, что побывает там. На Камчатку возлагались большие надежды. Россия владела побережьем Тихого океана на огромном протяжении, но не имела ни единого удобного порта. Жалкая тропа, по которой якуты вели караван губернатора, была единственным путем на океан. А на Камчатке – великолепная гавань. Пока об этом писали в русских газетах, в Петербурге не беспокоились. Но вот в «Таймсе» появилось несколько заметок об удобстве Авачинской бухты и о богатствах Берингова и Охотского морей, и царь повелел обратить особое внимание на Камчатку. Он приказал основать там центр русского могущества и влияния на Тихом океане. Муравьев понимал, что царь вовремя принял такое решение. По многим признакам, англичане, как он полагал, могли со временем протянуть руки к этой драгоценности, которую Россия до сих пор как следует не берегла.

Еще чуть ли не сорок лет тому назад Крузенштерн, восхищаясь Авачей, писал: «...великое отдаление Камчатки не может, однако ж, быть... причиною, что оставляют ее в бедственном положении. Порт-Джексон в Новой Голландии, на переход к коему из Англии употребляется не менее пяти месяцев, невзирая на сие отдаление, сделан в двадцать лет из ничего цветущей колонией». Муравьев недавно перечитал Крузенштерна и подчеркнул эти слова. Видно, и царь знал эту книгу или хорошо помнил мнение покойного Крузенштерна.

«Камчатка должна быть цветущей страной!» – полагал губернатор.

Но Крузенштерн писал, что снабжать Камчатку надо из Петербурга! Конечно, это будет флоту слава и школа – морякам. Но нужен еще и внутренний путь к ней. Ныне иные времена, не то что при Крузенштерне. Тихий океан уже скоро не будет тихим. Без внутреннего пути мы не создадим процветающей Камчатки.

Выехав из Иркутска, губернатор проделал огромный путь на судах по Лене до Якутска и теперь на лошадях через хребты, леса и болота направлялся к берегу океана, в порт Охотск. По сути дела, тут не было никакой дороги. Теперь он сам это видел. Снабжение Камчатки по такой тропе не могло быть удовлетворительным. Каждый пуд груза поставлялся выюком, с большими трудностями.

Была еще одна зимняя дорога из нового Аянского порта, которую в Якутске очень хвалил вызванный туда губернатором для свидания ее строитель Завойко, начальник Аянского порта и фактории Российско-американской компании, человек удивительно своеобразный и энергичный.

В Петербурге, в правлении Компании, довольны были этой новой дорогой и утверждали, что лучшего пути России и не надо желать на Востоке. Перевозка мехов, добытых на промыслах в Аляске, шла якобы по аянской дороге как нельзя лучше...

Муравьев соглашался, что аянская дорога, видимо, лучше этой охотской, которую он уже проклял в душе, и обратный путь намеревался совершить по той, чтобы увидеть ее и сравнить обе дороги.

Он знал, что необходимо получить право плаванья по реке Амуру. Только тогда вопрос будет решен радикально и окажется возможным снабжать Камчатку как следует. Но Амур и его устье не были известны. Это почти белое пятно на карте. На исследование устья Амура должен был идти капитан Невельской. Пока что об экспедиции нет никаких сведений. Невельской в прошлом году вышел в кругосветное плавание из Кронштадта и предполагал весной быть на Камчатке. Чтобы передать Невельскому инструкцию и разрешение производить опись устьев Амура, послан был весной в Охотск из Иркутска любимец и близкий родственник губернатора, совсем еще молодой человек – штабс-капитан Корсаков. Но в Якутске губернатор получил от Корсакова письмо. Тот не вышел в море. Охотский порт был затерт льдами. Невельской не получил инструкции.

Муравьев надеялся, что сам встретит капитана Невельского после его путешествия и из первых уст узнает от него, что же с Амуром... И вот в то время, когда Муравьев начал осуществлять свои планы, в спину ему нанесен удар...

Конь ровной и быстрой рысью бежал по скользкой траве; Муравьев сидит привычно прямо, и только если хорошо знать его, можно догадаться по тому, как избоченился губернатор и как откинул голову чуть на сторону, что он думает с гневом о чем-то.

Путешествие началось как нельзя лучше. Оно было очень остроумно задумано Муравьевым и превосходно подготовлено. Предполагалось, что это будет не только патриотический подвиг, грандиозный осмотр владений и разгром чиновников во всех медвежьих углах, но и к тому же увеселительная прогулка. Муравьев умел совмещать полезное с приятным. Он любил путешествовать, смолodu прошел с русскими войсками многие дороги Балкан и Кавказа. Он бывал в Европе, хорошо знал Францию и умел с европейским комфортом пожить по-русски и с русским размахом. Оригинально совершить такое путешествие: Лена, Якутия, Охотск, проклинаемый всеми морями, потом Тихий океан, Камчатка!..

Началось отлично, и все были веселы. Но вот в Якутске, когда губернатор однажды отдыхал в кругу своих, явился курьер из Иркутска. Он привез пакет от иркутского гражданского губернатора Зарина...

Муравьев нахмурился, взял пакет, извинился и по перекошенному дощатому полу прошел в кабинет.

– По Становому хребту! – ударив кулаком по столу, в бешенстве вскричал он за дверью.

В Иркутск по высочайшему повелению прибыла из Петербурга экспедиция под начальством подполковника Ахтэ для проведения границы там, где этой границы не было.

Это было совершенной неожиданностью. Муравьев ни о чем подобном не слыхал ни в Петербурге, ни в Иркутске. Все было подготовлено внезапно, и экспедиция свалилась как

снег на голову. Очевидно было, что все это неспроста. Муравьев, сам служилый человек, знал, как делаются подобные дела. Царь, с большой неохотой согласившийся послать Невельского к устью Амура и подписавший своей рукой инструкцию на опись, ныне посылал новую экспедицию, чтобы, еще не зная результатов описи Невельского, окончательно отказаться от Приамурья, потерять права на него, лишить Россию великой реки, сделать бессмысленной морскую экспедицию «Байкала»... Одна и та же рука повелевала делать два дела, противоположные друг другу. Ясно, что тут интрига, подлая придворная интрига... Муравьев догадывался, чьих это рук дело и к чему оно клонится.

Он успокоился и заходил по комнате, обдумывая ответ.

– Не желают ждать результатов исследований! Знают, зачем я уехал, так решили все провалить! Именно в то время, когда меня нет в Иркутске, когда я сам еду, чтобы выяснить все и все возможное сделать для возвращения Амура России... – так говорил он одному из своих спутников, молодому чиновнику Бернгардту Струве, сыну известного ученого и строителя Пулковской обсерватории. Этот белокурый молодой человек, огромного роста, с большими руками и крупным носом, недавно закончил императорский лицей и приехал в Иркутск служить к Муравьеву.

Губернатор был откровенен со Струве:

– Для англичан стараются они в Петербурге! Экая подлость!

Муравьев распорядился экспедицию Ахтэ задержать в Иркутске до своего возвращения. Вечером он надумал, что полковника Ахтэ и его инженеров надо либо убрать из Иркутска, либо чем-то занять, и решил отправить всех на время своего путешествия в горные районы Забайкалья на поиски золота и металлов.

Муравьев отлично понимал, что он делает, отдавая такой приказ. Это означало, что высочайшего повеления он не выполняет. Поэтому с тем же курьером Муравьев послал докладную записку на высочайшее имя с изложением причин, по которым экспедиция полковника Ахтэ задержана. Муравьев написал царю, что в видах будущего величия России рискует остановить экспедицию... Курьер с пакетами уехал на другой день вверх по Лене. Каков будет ответ и каково решение – неизвестно. С этим же курьером пошли и другие письма в Петербург.

И вот сейчас, сидя на якутском иноходце, губернатор мысленно переносился в Петербург. Глядя сквозь сетку из конского волоса, он видел не печальную весну Севера, не леса и луга Сибири, а своих заклятых противников – канцлера России графа Нессельроде, его подручного Льва Сеньявина...

Теперь на все время путешествия глубокая забота овладела Муравьевым, хотя по виду его почти никто об этом не догадывается. Ответа он не получит ни в Охотске, ни на Камчатке...

Все спутники понимали, что, приказав задержать экспедицию, посланную царем, и взяв на себя ответственность, генерал знал, что делал и на что надеялся.

Муравьев и в самом деле имел не одну сильную руку в Петербурге. Но все же он понимал, что могут быть неприятности, что с государем шутки плохи, и от этого настроение Муравьева было далеко не тем, с каким он пустился в путь. Он хотел исполнить волю царя, выказать рвение, отправляясь на Камчатку, а обстоятельства снова, уже не в первый раз, вынудили его стать ослушником...

Теперь он думал о том, что если экспедицией Невельского будет доказано, что Амур судоходен, все обойдется. Быть не может, чтобы царь уволил губернатора, который действует так патриотически... Но если Амур на самом деле не имеет глубокого устья? На карту было поставлено все, и все зависело теперь от экспедиции Невельского.

А тропа пошла вверх, на совершенно безлесный холм. Караван подымался из душевной, забитой мошкой травянистой долины на высокое место. Приятно подул ветерок...

«Молодцы, хорошее место выбрали!» – подумал Муравьев, завидя дым, стелющийся с вершины, и чувствуя, что проголодался. Кровь солдата и охотника заиграла в нем. Тяжелые

мысли отступили. Увидев что-то белое, он решил, что полосой стелется дым. Но этот дым шумел и грохотал. «Да это поток...» – удивился Муравьев. Настоящий же дым стлался по болоту, в другую сторону. Тучи шли низко. «Вьюки», как называли передовой отряд, давно ждали. Костры пылали, и обед был готов. На траве были раскинuty широкие ковры.

– Дождь будет, ваше превосходительство! – приговаривал урядник, пытаясь помочь генералу слезть с лошади, но тот сам спрыгнул.

Глава вторая. Путешественницы

Подошли две лошади, несшие гамак, в котором среди подушек полулежал человек в охотничьем костюме и в остроконечном белом капюшоне с сеткой на лице. Муравьев протянул руку. Подъехавший, опершись на нее, сложил вместе маленькие ноги, обутые в мягкие сапожки, и опустился на землю.

– Я, кажется, заранее согласна плакать от дыма! – тоном откровенного признания произнес по-французски веселый женский голос. – Только бы не москиты...

Обычно на дневных привалах обедать приходилось либо в дыму, который ел глаза, либо в сетке, приподымая ее каждый раз, когда подносишь ко рту кусок.

– Сегодня москитов отгоняет ветер, – отвечал Муравьев. – Место выбрано отлично. Ветер будет обдувать нас, и ты сможешь отдохнуть! Дым идет прочь, мы обедаем с наветренной стороны... Да посмотри, какой вид! Не прелесть ли! – показал он на шумевший поток.

Рука в перчатке осторожно приподняла волосяную сетку. Большие глаза осмотрели воздух, желая видеть, не вьется ли вокруг мошка. Открылось очень молодое красивое белое лицо с крупными, но приятными чертами, с мягким овалом сильного и полного подбородка, окаймленное темными локонами, выбившимися из-под капюшона. Как-то странно было видеть среди вьюков и рыжих лошадей с завязанными в узлы хвостами этот профиль греческой богини.

Она взглянула вдаль, куда показывал Муравьев, удовлетворенно кивнула головой и улыбнулась.

Екатерина Николаевна, француженка родом, лишь три года тому назад приехала в Россию, чтобы выйти замуж за Муравьева. Они познакомились в Париже. Муравьев нравился парижанам. Но именно в те дни он писал брату в Россию, что Европа дряхла.

Екатерина Николаевна любила своего супруга. Она отправилась с ним в Сибирь, делила тяготы и опасности. Очень основательно подготовившись к путешествию, она и на биваках оставалась деятельной и умной хозяйкой.

Отправляясь из Иркутска на Камчатку, Екатерина Николаевна представляла, куда она едет, и знала, что дорога будет очень трудной, но интересной. Путешествие от Якутска, несмотря на все удобства, оказалось гораздо тяжелей, чем можно было себе представить, и на первых порах она очень утомлялась...

– Чаще чередуй седло и гамак и, верь мне, будешь чувствовать себя великолепно, – твердил ей муж. И она слушалась...

...Капюшон полетел на спину, губернаторша, расстегнув куртку, улыбаясь и подымая лицо, с наслаждением открыла свежащему ветру шею, радуясь, что может освободиться от душного колпака и что нет мошки. Она смотрела вперед на синеющий хребет за рекой, который явился вдруг, как чудо, в этом плоском краю болот... Да, вид действительно прекрасен!

Подъехал всадник в костюме, сшитом, как нетрудно было заметить, рукой опытного мастера, с отделкой мехом по косому расхлесту куртки, как это делают тунгусы. Он сидел в деревянном седле, похожем на кресло. Всадник бросил книгу в опустевший гамак губернаторши, потом легко и мягко спрыгнул с коня, спружинив сжатые ноги, и быстро отбросил капюшон, открывая пышную голову в светлых, падающих на плечи локонах.

Это была известная виолончелистка Элиз Христиани... В позапрошлом году она с успехом выступала в Петербурге, в Москве и в провинции. Прошлой зимой отважилась отправиться в Тобольск, там узнала, что жена иркутского генерал-губернатора, француженка, поехала в Иркутск. В столице Восточной Сибири ее приняли прекрасно. Теперь она ехала вместе с Муравьевыми.

– О, маленький генерал, мой мучитель... – раздался очень низкий, почти мужской голос.

Этот густой, низкий контральто не шел к ее юному, свежему лицу, к черным, полным живости глазам.

Элиз нравились русские. Нигде не встречала она такой отзывчивой аудитории – «пылкой, покорной и чувствительной», как говорил Берлиоз, гастролировавший в одно время с ней в Петербурге. Отзывчивую публику встретила она и в Тобольске, и в Иркутске.

Муравьевы предложили ей путешествие на Камчатку в качестве компаньонки Екатерины Николаевны. Элиз охотно согласилась, она только очень беспокоилась за свой страдивариус, но Муравьев пообещал, что футляр будет сделан из железа. Он написал в Петербург, выхлопотал Элиз разрешение на путешествие.

У Элиз черные брови; она в костюме юной тунгуски, с прической «а-ля Жорж Санд», в белом кружевном воротнике.

– Это ваши Альпы, маленький генерал? – спросила она по-французски, показывая вдаль.

Она держалась с губернатором несколько фамильярно.

– Когда же подыдемся на них? Я мечтаю видеть это болото сверху... – И она сделала широкий жест рукой.

Кругом действительно было сплошное болото.

А небо было чистое-чистое, высокое, зелено-голубое...

Подошел Струве. Тонким голосом, который тоже не шел к его сильной и крупной фигуре, он доложил, что все готово.

Екатерина Николаевна, разговаривая с Элиз, прошла мимо, как бы не замечая Струве. На то были свои причины. В этом маленьком обществе было все то, что должно быть во всяком хорошем обществе. У каждого свои симпатии и своя неприязнь.

Екатерина Николаевна с детства ездила верхом и считалась хорошей наездницей, но после первого перехода на лошадях по Охотскому тракту она была совершенно разбита и днем на остановке просила мужа раскинуть палатку и дать ей отдых.

Эта просьба Муравьеву не понравилась. Он перед отправлением из Якутска предупредил дам, что все должны подчиняться правилам, составленным на время путешествия.

– Разговаривай со Струве, он назначен начальником экспедиции, и я сам подчиняюсь ему, – ответил жене губернатор, взглянув строго на Струве.

Через некоторое время Струве подошел к губернатору. Муравьев с проводниками стоял у якутских лошадей.

– Как быть? – спросил Струве. – Екатерина Николаевна просит разбить палатку, а по данной мне инструкции в настоящем пункте дневка не предусмотрена.

– Вы начальник экспедиции и решайте все сами, – ответил Муравьев и дал знак, чтобы якут поднял и показал копыто иноходца... – Не надо позволять ей раскисать, – добавил генерал.

Возвратившись на бивак, Струве своим тонким голосом твердо объявил Екатерине Николаевне, что в этом пункте не предусмотрено разбивать палатки, поэтому сделать ничего не может.

И Струве не удержался от удовольствия взглянуть на молодую губернаторшу с чувством превосходства, очень гордясь тем, что перед всеми поставил себя в такое выгодное положение. В то же время этой же самой строгостью и даже своей педантичностью он угождал и губерна-

тору, а губернаторше старался помочь закалиться, привыкнуть к седлу. Он чувствовал себя в этот миг строгим доктором, чья суровость на пользу больному.

Когда Муравьев возвратился на бивак, Екатерина Николаевна пыталась объяснить, что измучена дорогой, и вдруг, не выдержав, расплакалась.

Он несколько смутился, но стал уверять, что отдыхать не следует.

– И нельзя, и не надо. Ты будешь совершенно разбита, я это знаю по собственному опыту... Я тебе желаю добра. Поверь мне, перетерпи первые дни и привыкнешь... Кроме того, – видя, что она очень обижена, добавил он таким же тоном, каким говорил с ней Струве, – я не могу приказать. Ты знаешь, что я вверил Струве командование экспедицией...

Екатерина Николаевна, вытерев слезы, взглянула на мужа с удивлением. Впервые в жизни она почувствовала себя подчиненной казенному делу. Казалось, вокруг не люди, а ходячие правила... Оставалось сесть на коня и ехать назло всем. И она поехала. «Как несчастны должны быть люди, которые слепо зависят от правил, – думала она. – И разве нельзя сделать исключения?»

Окружающим казалось, губернаторша смирилась и как будто все шло очень хорошо, но дело испортил сам губернатор. На другой день, поздно вечером, оставшись в палатке наедине со своей супругой, он, желая, видимо, ее утешить, сказал, что, конечно, Струве, если бы захотел, мог поставить палатку...

После этого Екатерина Николаевна стала холодна с начальником экспедиции.

...Под обрывом, там, где, роясь в огромных камнях, журчала река, виднелись козы на скалах. Множество уток и гусей носилось в воздухе. Якуты и казаки охотились, слышны были их выстрелы. Муравьев несколько раз приказывал подавать себе ружье.

Урядник принес убитого олененка.

Стреноженные кони паслись на лугу, который, как видно, кошен был ежегодно кем-то из ближних жителей, и поэтому свежая трава не перемешивалась со старой, прошлогодней, хотя вокруг не было видно ни жилья, ни дыма.

За обедом Муравьев сказал Элиз с напускной серьезностью, что один богатый русский князь в Охотске давно ищет случая жениться на знаменитой иностранке. Элиз отшучивалась, но насмешки генерала ей не нравились. Она, в свою очередь, поддразнивала губернатора, называя маленьким генералом и сибирским Наполеоном.

Элиз была интересной собеседницей и превосходной рассказчицей. Ей было двадцать лет, но она объездила почти всю Европу, была знакома со многими знаменитыми артистами, писателями, политическими деятелями. Здесь, на охотском болоте, со своим остроумием и живостью и со своими рассказами о Европе она была очень кстати для спутников.

Вскоре все поднялись и снова надели капюшоны. Посвежевший, отдохнувший Муравьев верхом на бело-русом жеребце тронулся за проводниками. За ним ехали женщины, чиновники, офицеры и казаки.

Поручик Ваганов, молодой сибиряк саженного роста, и доктор Штубендорф ехали позади дам. Ваганов был известен своим бесстрашием, он участвовал в экспедиции академика Миддендорфа и даже доходил до той мифической страны гиляков, где ныне должен находиться Невельской.

Караван подошел к тайге. Лес казался мертвым... Темные стволы и громадные ветви лиственниц и белоствольные березы только чуть зазеленели. В эту раннюю пору молодая хвоя на лиственницах была еще очень бледной и слабой, ее даже не видно, но она так обильна, что лес, кажется, тонет в зеленом прозрачном тумане, сквозь который видны и дальние и ближние стволы, и черные шершавые ветви лиственниц.

Ночевали в тайге. Вблизи не было ни реки, ни озера. Вокруг – глухая чаша, окутанная бородами лишайниками, как ветхими неводами. Из цельных сухих лесин зажгли огромные

костры, вокруг которых расставлены были палатки. Двое вооруженных казаков всю ночь вслушивались в тишину...

Когда укладывались спать, где-то далеко слышались глухие удары. Муравьев вышел из палатки.

– Кто это дерево рубит? – спросил он пожилого казака.

– Гаврюха, ваше превосходительство.

– Какой Гаврюха?

– Бродяга, ваше превосходительство, беглый... Из Охотска тут бегут.

Муравьев задумался.

«Страшной, таинственной жизнью живет тайга», – подумал он.

– Наш генерал – бывалый воин, – говорил тем временем Струве, укладываясь в другой палатке рядом со своим приятелем Юлием Штубендорфом.

Доктор был старше и не так удачно делал карьеру, как Струве. Он вспомнил в этот вечер свою юность, профессора Крузэ, у которого Струве жил в Дерпте. Штубендорф часто бывал в этой семье. Профессор Крузэ пил по утрам парное молоко и того же требовал от студентов.

– Ах, Берни, – сказал доктор Юлий, тщательно подгибая под себя кромку одеяла, – молочницы, наши молочницы! Их вспомнишь, Берни, когда увидишь руки якуток!

Воспоминания о доме профессора Крузэ и молочницах очень тронули Струве. Приятели, изъеденные комарами, измученные и избитые в седлах, размечтались. Они перенеслись в Дерпт, туда, где много докторов, аптекарей, молочниц, аккуратных стариков и старушек, с утра подметающих улицы и тротуары, где очень легко и удобно жить, но очень трудно заработать и негде делать карьеру.

– Ах, юность! – натягивая одеяло, вздохнул Штубендорф.

– О, юность! – повторил Струве. – Но здесь мы в отличном положении и задаем всему тон. – Через некоторое время Струве снова поднял голову. – Вместе с генералом я встречал Новый год! – сказал он и, счастливый, уткнул голову в подушку.

Глава третья. У Океана

Караван поднимался на вершину хребта через леса и завалы камней, окутанные глубоким покровом мха, который мягкими волнами застилал и пни, и упавшие деревья.

Вскоре лес кончился. Вокруг, среди скал, была тундра. Караван взошел на перевал. Открылся светлый простор, повсюду рвались к небу вершины гор. Между ними проплывали облака... Солнце еще не всходило, и огромный купол неба до половины был в столбах красной пыли, словно горны пылали за горизонтом. На земле была тундра, а небо казалось южным, жарким.

Солнце появилось, когда караван стал спускаться с перевала. Тут уже не было тех вековых лесов, что на западном склоне. Деревья чахли от жестоких ветров: почувствовалась близость Охотского моря, в воздухе стало прохладней...

Через три дня, вблизи последней почтовой станции, на берегу реки Кухтуй, губернатора и его свиту встретила группа морских офицеров во главе с начальником Охотского порта Вонлярским.

Это был сухой старик с сизым носом и лиловыми щеками, в мундире капитана второго ранга при орденах, в фуражке с лакированным козырьком. Он быстро отрапортовал и потом многословно отвечал на вопросы губернатора.

Оказалось, что транспорт «Иртыш» прибыл благополучно с грузом из Камчатки и через два дня разгрузится и будет готов к плаванию в Петропавловск под флагом генерал-губернатора. С этим транспортом получены сведения о «Байкале». Невельской благополучно прибыл в Петропавловск из кругосветного и, не дождавшись инструкции и не желая терять время, пере-

грузил все на «Иртыш», а сам на «Байкале» 13 июля ушел на опись. Штабс-капитан Корсаков на боте «Кадык» ушел в море, надеясь встретить «Байкал» в Курильском проливе, но, как теперь известно, это вряд ли удастся, так как «Байкал» прошел давно... Ни о «Кадыке», ни о «Байкале» больше нет никаких сведений...

У Невельского все оказалось в полном порядке...

«Он так и сделал, как говорил», – с благодарностью подумал Муравьев.

За деревьями заблестела вода. Десяток матросов выстроились у избы.

Через несколько часов река вынесла лодки на широкую воду. Это Охотская бухта, вернее, озеро, образованное рекой и служившее бухтой. За ней валом залегла голая коса, отделяющая бухту от моря. На этой полосе из гальки чернели дома Охотска. Высилась деревянная башня Адмиралтейства и такая же церковь, сарай для рыбы и вешала. Едва лодки вошли в бухту, как с низкой бревенчатой батареи, похожей на сарай, раздались пушечные выстрелы. Одиноким «Иртыш» с голыми мачтами стоял среди песков близ прохода в море, в глубоком затоне, вырытом для кораблей.

Вид был печальный, и чувствовалось, что жизнь тут скудна и сурова.

– Как ужасно обеднели русские князья Охотска... – чуть слышно заметила Элиз.

Вонлярлярский, знавший по-французски, любезно улыбнулся, хотя такое замечание его встревожило и он не знал, как его понимать.

А за низким бревенчатым Охотском шумел и грохотал прозрачный светло-зеленый океан. Его водяные горбы то вздымались, то исчезали вдали за кошкой.

Наступил отлив, бухта обмелела, стоявшая в ней баржа лежала на боку.

На другой день Муравьев побывал в казармах, на эллинге, в церкви, на батарее и в тюрьме. Эллинг был нов. Вонлярлярский в этом году перестроил его. «Но порт никуда не годится, – думал губернатор. – Все здания – гниль...»

Вечером губернатор и начальник порта сидели в адмиралтействе, в кабинете с облупившейся штукатуркой. Ветер мел песок по косе и горстями бросал в дребезжавшие стекла...

Вонлярлярский рассказывал про своеволье иностранцев в здешних морях, они теперь изобрели новый доход – рубят лес на побережье и увозят на Гавайские острова.

– Да как же вы допускаете это?

– А что мы можем сделать им? – в тон ему ответил старик. – У меня судов нет! А толковать с ними бесполезно. У американцев есть уверенность, что где хорошая пожизна, там им и родина. Правительство Штатов не раз подтверждало права нашей Компании, но само, видимо, бессильно удержать своих шкиперов...

Как это часто бывает с людьми, которые долго прожили в глуши, Вонлярлярский старался все свои мысли и наблюдения выложить губернатору.

«После путешествия представлю государю полную картину здешних мест», – думал Муравьев.

Вонлярлярский производил на Муравьева впечатление человека умного и дельного, но слишком увлекающегося своими фантазиями. Он, например, уверял Муравьева, что у него есть верный план, как принудить Японию открыть свои порты для торговли с европейцами и как открыть северо-западный проход у берегов Америки.

На другой день в порту раздалась пушечная пальба. На «Иртыше» закончили выгрузку и подняли флаг генерал-губернатора. В прилив судно вышло из бассейна в бухту и через узкий пролив – в море и встало на рейде. На судно прибыл Муравьев со своими спутниками.

В капитанской каюте дамы устроились очень удобно; с расчетливостью опытных путешественниц они воспользовались каждым дюймоном пространства. С собой было все необходимое в пути – от меховых курток, маленьких ручных фонарей со свечами и особой одежды из непромокаемой американской материи до ковров, модных дорожных туалетов и романов Сю и Поль де Кока. В салоне для занятий губернатора – маленький стол, бумаги.

Мужская прислуга – повар и камердинер Мартын – рядом в маленькой каютке. На судне – запас льда, дичь, всевозможные вина, живые куры, бараны, быки...

На заре пушки снова салютовали кораблю, уходящему в плавание.

Муравьев стоял на полуюте, покусывая светлый ус.

«Это насмешка, а не порт!» – ворчал он.

Струве подтвердил мнение губернатора, поклонившись и слегка шаркнув ногой. Он давно был лишен этого удовольствия. Ни на Охотском тракте, где в зимовьях полов не было, ни в самом Охотске, где все полы перекосило, нельзя было шаркнуть ногой как следует. Только теперь, на гладкой, сверкающей палубе корабля, Струве отводил душу.

Мимо поплыли, залитые отблесками зари, красные песчаные дюны по обе стороны пролива, где река Кухтуй, прорывая Охотскую косу, впадала в море. Матросы, в большинстве пожилые люди, работали быстро, с испугом поглядывая на полуют, где стоял губернатор.

«Вот и океан! Мы входим в него!» – думал Муравьев.

Он вспомнил слова Невельского о том, что Охотское море большую часть года забито льдами, но что, действуя отсюда, надо открыть южные гавани, из которых будет путь во все страны, в Китай, Индию, Америку.

...Хлопнул фок и заполоскал. Судно качнулось, и в то же время раздался сильный глухой удар. Капитан «Иртыша», коротконогий толстячок Поплонский, побледнел и оттолкнул рулевого. По всему судну поднялась беготня. «Иртыш» заносило носом и валило на банку. Удар следовал за ударом.

– Какой скандал! – с возмущением шепнул Струве на ухо доктору Штубендорфу.

Муравьев, заложив палец за пуговицу мундира под петлю, был нем и неподвижен.

«Вот теперь я действительно могу сказать государю, – подумал он, – что я там сам был и сам все видел и даже испытал, каков выход из Охотской бухты».

Якорь отдали неудачно. Судно нанесло на него, и обшивку драло о лапу якоря. Ветер с моря крепчал.

Через полчаса на судно прибыл Вонлярлярский.

– Сейчас же людей и шлюпки из порта! – заревел он. – Парфентьева сюда! Самый лучший лоцман тут у нас казак Парфентьев, – объяснил он губернатору.

На судно явился ражий детина, высокий, белобрысый. У него широкие скулы, как у тунгуса, и красные толстые уши с большими мочками.

Екатерина Николаевна и Элиз, обе закутанные и озабоченные, съехали на берег вместе с начальником порта. Вонлярлярский, проводив их, вернулся.

Весь день и всю ночь шла работа. Судно пытались стянуть с мели, но «Иртыш» не двигался. Началась разгрузка...

– Крепко сели! – говорил лоцман.

Теперь уж Муравьев не радовался, что сам все видит, а думал, как бы сняться с мели. Временами приходило на ум, к добру ли затеял он это путешествие.

А ветер налетал холодный. На заре Муравьев мерз, но, не желая показать вида, шинель не надевал. Изредка лишь спускался он в свою каюту, где у него был ромок. «Сам Господь присудил сидеть губернатору на мели, чтобы знал, каково тут людям». Он выпил целый стакан. «Черт побери, что же все-таки дальше? Если судно придется чинить, что я в Петербург отпишу? Пропадет лето! И это главный русский порт!»

Наверху поднялся отчаянный крик, все затрещало, заскрипели переборки кают, залязгали лебедки и якорная цепь, непрерывно слышалась брань. Судно тяжело зашуршало по грунту и вдруг закачалось тихо и легко, и сразу же наверху послышались повеселевшие голоса.

– Сошли, слава богу! – сбегав по трапу, доложил Вонлярлярский.

«Иртыш» возвратился в порт. На другой день, когда его снова загрузили, прибыли Екатерина Николаевна, мадемуазель Христиани и доктор. Дамы были веселы. На берегу их приняли прекрасно, и они вполне отдохнули.

На этот раз салютов не было и паруса не поднимали. Через мели и бар прошли при большой воде на буксире портовых шлюпок, которыми командовал сам Вонлярлярский. Лишь выйдя в открытое море, поставили фок, грот и марселя. Ветер дул попутный. Через два часа материк исчез в тумане, а городок все еще виднелся. Казалось, Охотск поднялся на своей кошке выше горизонта и плывет над сумрачным морем, где-то среди низких, похожих на косы облаков. Подул ветер, и океан стал покачивать маленькое судно. «Никуда не годен этот Охотск!» – думал Муравьев.

Глава четвертая. Салюты

Через двадцать один день тяжелого плавания «Иртыш» подошел к Камчатке. Вдали на огромной высоте чуть видны два бледных прозрачных конуса. Косые линии их склонов, опускаясь, исчезают в воздухе. Кажется, что две конусообразные вершины отрублены от гор и плывут в чистом небе, как слабые перистые облака. Слева, в небе, еще один такой же ледяной конус.

– Поразительный вид, – говорит Муравьев.

Море шумит мерно и глухо...

Скалы расступились, впустив корабль в глубь страны. Как чудом, появились проливы, хребты почтительно сторонились перед губернаторским кораблем, открывая водяные зеркала ослепительной голубизны. «Иртыш» смело стремился вперед и наконец вошел в бухту, на берегу которой, как в укромном уголке, отгороженном от моря несколькими цепями гор, приютился Петропавловск.

«Наконец-то я сюда добрался, где еще никто из губернаторов не бывал!» – думал Муравьев, стоя рядом с женой у борта.

С берега загрохотали салюты.

Властный и меткий взгляд чуть прищуренных глаз губернатора устремлен на берег.

«Вот она, Камчатка, один из самых отдаленнейших и глухих уголков империи!»

Под красным околышем генеральской фуражки теплый ветер шевелит чуть рыжеватые темные бакенбарды.

На гладкой поверхности залива стоят лодки и небольшие суда; правой через всю бухту протянулась тонкая белоснежная кошка с сараями для рыбы. На берегу убогие домики. Элиз заметила, что ни ферм, ни стада коров, ни других признаков крестьянского достатка не видно.

Муравьев смотрел на все по-другому. Он имел счастливую способность видеть не то, что есть, а то, что должно быть. «Если видеть то, что есть, – полагал он, – в России мало на что смотреть захочется. Это Гоголем надо быть».

Он так и ответил:

– Это дело Гоголя, а не мое!

– Какого Гоголя? – спросила Элиз серьезно.

Екатерина Николаевна объяснила ей суть шутки, и она, улыбнувшись, закивала головой.

Элиз не очень это понравилось, но она улыбнулась, зная, что надо считаться с обычаями страны, по которой путешествуешь; но все же пейзаж без лугов, без скота, без садов, без огородов ужасен.

Губернатора даже радовала разруха, видимая на берегу. Было тут все для доказательства, что при предыдущем управлении царил беспорядок. Кажется, все есть, что надо для контраста с будущим. А вот когда тут построим порт, город, крепость...

К борту подошел на катере начальник Камчатки капитан второго ранга Машин. Рядом с ним спокойно, словно это торжество не касалось его, сидел коренастый, широкоплечий священник.

– Архиепископ Иннокентий, – тихо и многозначительно сказал жене губернатор, сразу догадавшись, кто приехал.

Архиепископ привычно схватился за поручни и, несмотря на кажущуюся грузность, уверенно и быстро поднялся на палубу.

Муравьев много слышал о нем. Это был знаменитый миссионер, архиепископ Алеутский и Курильский. По остроумному выражению одного из английских путешественников, епархия Иннокентия была самой обширнейшей в мире. В нее входил весь север Тихого океана с Беринговым и Охотским морями и со множеством островов, а также вся Аляска, Камчатка, Охотское побережье, Чукотский полуостров и Курильские острова.

Муравьев, изобразив на своем лице глубочайшую почтительность, подошел к нему вместе с Екатериной Николаевной.

Иннокентий – рослый, плотный, с суровым и даже жестким выражением круглого, тучного лица, с пушистой окладистой бородой; глаза у него маленькие и колючие, губы тонкие, спина широкая, крепкие руки.

Муравьев склонил под благословение свою чуть лысеющую голову.

Иннокентий перекрестил губернатора и дал поцеловать свою руку. Колючее выражение его глаз смягчилось. Он встречал молодого губернатора с опаской и настороженностью, предполагая, что, быть может, нападет на безбожника, каких немало ныне. Но Муравьев был серьезен и почтителен.

– С благополучным прибытием, ваше превосходительство! – молвил Иннокентий. – Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

Он благословил Екатерину Николаевну, свиту губернатора и всех прибывших на корабле...

Элиз почтительно поклонилась, приседая.

Невысокий седой Машин стал громко рапортовать губернатору...

Сибиряк, родом из-под Иркутска, из «простых», мужик в рясе, смолоду уехавший на Аляску и пробивший себе путь в люди крещением индейцев, Иннокентий изучал языки народов, среди которых проповедовал, составил словарь и грамматику алеутского языка. Он был и слесарь, и столяр, и плотник, уважение индейцев и алеутов заслуживал тем, что сначала учил их ремеслам, уж потом крестил. Путешествуя с острова на остров, Иннокентий привык к морю. Зная хорошо математику и астрономию, он изучил и навигацию, и парусное дело.

Однажды, при переходе через океан из одной части своей епархии в другую, Иннокентий попал в сильный шторм. Погиб шкипер. Иннокентий взял на себя управление судном, командовал матросами и благополучно привел корабль на Курильские острова.

Но за последние годы дела в колониях сильно не нравились Иннокентию. Все чаще приезжали сюда служащие, не подходившие под благословение православных священников. Почти вся администрация Компании состояла из лютеран. Засилие немцев епископ чувствовал всюду. Он видел, к чему идет Компания, но не мог взять в толк, откуда ветер дует. Он видел, что колониям нет внимания, промыслы не расширяются как следовало бы, земли не заселяются, хотя на епархию кое-какие средства отпускались и строились новые храмы. Он лишь смутно догадывался, что в Петербурге не хотят развития русских земель в Америке. Все это было так неприятно Иннокентию, что на старости лет он хотел уехать с Аляски на материк.

Ему радостно было видеть, что новый генерал-губернатор почтителен и радушен. Иннокентий сразу почувствовал в нем своего союзника.

Муравьев пригласил Иннокентия и Машину вниз, в салон при капитанской каюте.

Машин отвечал на расспросы Муравьева:

– «Байкал» прибыл как раз вовремя, ваше превосходительство, и привез товары лучшего качества... Камчатка спасена от голода.

Машин стал, волнуясь, жаловаться губернатору, что если бы не «Байкал», положение было бы ужасным, снабжение Камчатки поставлено из рук вон плохо, подвоза из Охотска нет...

Теперь, когда Муравьев сам проехал Охотским трактом и видел, как там кони вязли, калечили ноги, их приходилось пристреливать, как на целые десятки верст по болотам уложены бревна и жерди и как эти перегнившие жерди ломаются под ногами лошадей, как сотни верст вьется тропа, теряясь то в траве, то в чаще, то в камнях... А от этой жалкой тропы зависит жизнь в Петропавловске... Муравьев вспомнил про свое желание превратить Петропавловск в военный порт, и ему вдруг стало неловко.

Но он умел подавлять такие чувства в самом зародыше... К тому же он был гордый человек. «Я все сделаю!» – всегда говорил он себе и верил, что нет таких препятствий на свете, которых он не преодолел бы. Ведь развиваются же и процветают заокеанские колонии у европейских держав!

«Амур решит тут все...»

Сейчас Муравьев чувствовал, как верен его расчет.

Машин хвалил Невельского:

– Ушел в море без инструкции...

– Я послал с инструкцией штабс-капитана Корсакова, – ответил Муравьев, но он задержан был льдами в Охотске и не мог прийти вовремя. Теперь Корсаков в плавании, ищет Невельского в море, чтобы передать ему инструкцию.

Иннокентий с большим вниманием слушал все эти разговоры. Ему очень приятно было, что генерал-губернатор все время обращается к нему, говоря о важнейших делах...

Сам Иннокентий не видел Невельского и сказать о нем ничего не мог, но экспедицией весьма заинтересовался и восхищен был действиями губернатора.

Машин стал говорить, что своего хлеба на Камчатке нет, хотя земля родит, но беда в том, что местные богачи, от которых зависит все население, в своем хлебе не нуждаются. Требуют хлеба от казны или от Компании, а последние годы находят выгодным покупать его на шхунах у иностранцев, своих же должников гоняют ради выгоды в тайгу за пушниной и не думают завозить хлебопашество, к которому те непривычны, или, вернее сказать, которого совершенно не знают. Камчатка дика, как сто лет тому назад.

За чаем Иннокентий спросил Екатерину Николаевну, как она перенесла тяжелое морское путешествие. Элиз, возводя взор к потолку, сидела не шелохнувшись, с тем кротким видом, который напускают на себя бойкие молоденькие артистки, играя монахинь. Как раз этот вид очень понравился старому священнику. «Какая красивая и молодая, а смиренная», – думал он. Епископ, в свою очередь, очень понравился француженке. Ей всегда казалось, что такие лица бывают только у людей по-настоящему мужественных.

Иннокентий погостил недолго. Он стал подыматься, подбирая парадную шелестящую рясу. Муравьев заметил, что рад был бы побеседовать с ним поподробней и посоветоваться о делах. Но епископ не спешил высказывать свои соображения. Он знал, какие расспросы начнутся. При всей своей симпатии к Муравьеву он полагал, что пусть-ка он живет своим умом. Иннокентий не был любителем откровенных разговоров. Он берег свое слово и показывал всегда, что в мирские дела не путается.

Екатерина Николаевна просила миссионера задержаться; в свою очередь, и Элиз, осмелев, на ломаном русском языке обратилась к епископу, но тот отвечал всем любезно и твердо, что должен отправляться.

Муравьев вышел на палубу проводить его. Иннокентий благословил губернатора у трапа.

– Еще увидимся и наговоримся, – ласково сказал он. – Поеду приготовиться к встрече дорогих гостей.

Муравьев чувствовал, что Иннокентий молчалив и уклончив, но дела с ним пойдут на лад.

Машин хотел отправить Иннокентия на катере, но губернатор приказал капитану подать свою шлюпку и гребцов. Матросы кинулись к трапу и помогли спуститься епископу. Раздалась команда, лихие гребцы налегли на весла, и шлюпка помчалась.

Губернатор без фуражки стоял у борта, глядя вслед слегка кивавшему головой епископу. Когда шлюпка отошла на порядочное расстояние, он надел фуражку и, резко повернувшись к Поплонскому, приказал:

– Отсалютуйте его преосвященству девятью выстрелами...

Когда-то в Абхазии, управляя областью, он покориł сердце одного влиятельного местного князя тем, что приказал в день рождения его сына сделать сто один пушечный выстрел. Это превышало все салюты, про которые когда-либо слышал абхазец. Так еще никто не чувствовал и не восхвалял абхазца, и вообще на Кавказе не слышно было подобных случаев. «Иннокентий, конечно, не абхазский князь, – полагал Муравьев. – Тут нельзя переборщить...»

Муравьев искренне уважал Иннокентия и считал его деятельность героической, а все путешествия – подвигами. Но, кроме того, у него, как всегда и во всем, что он делал, был свой расчет. Он знал, что Иннокентий лицо очень влиятельное, и в будущем он мог весьма пригодиться Муравьеву. Губернатор полагал, что по заслугам Иннокентию следует стать одним из самых высших духовных лиц во всей России. Он прекрасно понимал, как велика разница между этим человеком и теми попами-чиновниками, что сидят в Москве и в Петербурге в Синоде... И Муравьев еще надеялся видеть Иннокентия своим союзником не только тут...

Грянул первый выстрел, и дым закурился над водой.

Иннокентий в это время уж подходил в шлюпке к берегу. Он не сразу сообразил, почему палат. Как только губернатор отошел от борта, не стало необходимости туда смотреть, и епископ принял свой обычный вид глубокой задумчивости, который был свойствен ему с ранней юности, что не мешало ему в делах проявлять и быстроту и энергию. Вид Элиз напомнил ему, что сын его Гаврила вырос, что пора его женить, иначе ему нельзя получить прихода, что скоро Гаврила поедет в Москву, где обещают ему найти невесту.

Потом он снова мысленно вернулся к губернатору. Иннокентий был очень подозрителен и недоверчив. «Но, – думал он, – Муравьев человек дельный». Он в это верил, ему самому хотелось давно, чтобы новый губернатор оказался таким.

Понравилась Иннокентию и скромная жена его, благородная, любезная и ласковая... Иннокентий знал, что часто о подлинном отношении мужа к гостю можно узнать по обходительности его жены, по ее взору, по ее доверчивости или настороженности...

Выросший в сибирской полукаторжной деревне, учившийся в семинарии, а потом проживший много лет среди индейцев и алеутов, человек, привыкший к грубой жизни и грубым нравам, он очень ценил обходительность и любезность, которые случалось видеть ему редко. Также нравились ему и красивые женщины, и он желал, чтобы сын его Гаврила привез бы из Москвы красивую и образованную жену.

В Ново-Архангельске тоже были весьма почтительны к Иннокентию, но он не верил, что немцы и финны, понаехавшие туда с тех пор, как главным правителем стал лютеранин, уважают его искренне.

Вдруг раздался выстрел, Иннокентий встревожился. Он стал всматриваться. Раздался второй выстрел... И через ровный промежуток третий.

– Салютуют, ваше преосвященство! – торжественно сказал унтер-офицер, сидевший у руля. – Вам, ваше преосвященство!..

– Боже, прости меня грешного! – пролепетал Иннокентий, чувствуя, что радость от таких почестей начинает овладевать всем его существом.

И чем дольше гремели орудия, том сильнее чувствовал старик эту горячую радость... Всего прогремело девять выстрелов...

Весь город видел и слышал, какое уважение выказал Иннокентию новый губернатор.

«Не мне, Боже, салютуют, а церкви твоей», – мысленно твердил Иннокентий.

Смел ли он думать когда-нибудь, что в честь его грядет салют с военного корабля, на котором приехал сам «генерал-губернатор всей Восточной Сибири»? Он вспомнил, как учился, как потом был кладовщиком в иркутской семинарии и когда-то, еще до ученья, ему отказали в месте пономаря в деревенской церкви, а потом за все годы ученья в семинарии ни разу не ел он хлеба без мякины. И вдруг губернатор, которого нет выше во всей Сибири, на которого прежде со страхом и робостью смотрел бы Иннокентий, не какой-нибудь компанейский шкипер, а генерал, кавалер орденов, любимец государя, приказывает палить ради него из пушек! Это была великая честь.

Иннокентий сошел на берег и, как всегда, суровый и молчаливый, зашагал к камчатскому попу, своему родственнику, у которого, приезжая в Петропавловск, всегда останавливался.

А в городе уже все знали, что палили в честь епископа. Родные встретили его с восторгом...

Иннокентий молчал, как бы показывая, что все это суэта, не заслуживающая внимания, но всякий раз, когда поминали в разговоре губернатора, ему было приятно. Генерал так польстил, так утешил, так смягчил его душу, что отныне он чувствовал – будет приятен ему Муравьев. Что ни будь, но уж этого никогда, никогда Иннокентий не позабудет...

Глава пятая. Авачинская губа

– Вот вам бухта, – говорил Муравьев, стоя на склоне горы и показывая вниз, на широко расстилающуюся ярко-синюю гладь воды, – равной которой я не знаю в Европе, а быть может, и в целом мире. Теперь, когда я побывал здесь, я понимаю, почему англичане обратили такое внимание на Петропавловск! Да это драгоценнейшая жемчужина! А вот вам, Ростислав Григорьевич, неприступные, самой природой возведенные укрепления! – поднял руку губернатор, показывая на каменистые, крутые гребни низких гор, грядой залегших вдоль громадной Авачинской губы. – Мы с вами должны готовиться здесь к войне заранее, укрепить подступы к городу, закрыть врагу путь, не позволить его кораблям обойти Сигнальный мыс и проникнуть во внутреннюю гавань. Надо здесь так встретить англичан, чтобы они навсегда запомнили...

Оставив Екатерину Николаевну и мадемуазель Христиани в обществе жены Машина, чиновниц и Иннокентия, губернатор с начальником порта осматривал окрестности города.

Муравьев полез выше. За ним, осыпая мелкий щебень, карабкались чиновники и офицеры. Побагровевший Машин хотел что-то ответить губернатору, но тот перебил его:

– Какая бухта! – в восхищении воскликнул Муравьев, снова останавливаясь.

Чем выше поднимались, тем красивей был вид. Замершее море лежало среди ярко-зеленых гор, как пласт голубого льда.

– Стоит англичанам, – назидательно продолжал губернатор, обращаясь к Машину, – объявить нам войну и захватить эту бухту, как мы потом уж никогда не возвратим ее. А это значит, Ростислав Григорьевич, что мы с вами должны быть готовы тут ко всему.

Горный воздух, подъем по крутому каменистому склону, вид моря, гор и белоснежных, сверкающих на солнце вулканов – все это возбуждало энергию и располагало к размышлениям.

Губернатор пошел дальше. Он умело и быстро поднялся по круче на гребень хребта. Отсюда открылась вся необозримая ширь Авачинской бухты, а по другую сторону гребня гор, на котором стояли сейчас Муравьев и Машин, стала видна внутренняя бухта – Ковш и город с его жалкими хибарами. Эта цепь гор заканчивалась Сигнальным мысом, лишь обойдя который суда могли войти в Ковш. Муравьев, скрестив руки, оглядел Петропавловск, стоя к нему

лицом, взглянул на суда в гавани и на песчаную кошку, отгородившую Ковш и протянувшуюся почти перпендикуляром к хребту, но не доходившую до него, так что оставались как бы широкие ворота для входа в бухту. Потом он перекинул взор правее, на Сигнальный мыс, и еще правей, туда, где в голубой дымке терялись очертания далеких гор и мысов Авачинской губы, среди которых был вход в океан... Горы плотным кольцом обступили всю эту картину... С юга подул ветер, обдал разгоряченные лица. Море стало ярко-синим.

Муравьев повернулся лицом к морю. Взор его упал вниз, под обрывы. Он стал осматривать крутые подъемы на горы со стороны Авачинской бухты, потом посмотрел правей, туда, где гряда гор подходила к берегу. За горами виднелась низина, по которой от берега Авачинской бухты пройти можно было прямо в Петропавловск.

Муравьев грозно нахмурился и вскинул голову, словно очень серьезное опасение внезапно пришло ему в голову.

– Там дорога! – утвердительно сказал он, показывая рукой и обращаясь к Машину.

– Так точно, ваше превосходительство! – ответил Машин, который все это уже подробно объяснил губернатору утром у карты.

– Хм... хм... – пробормотал Муравьев сурово и заложил руку за борт мундира. Он снова посмотрел на Сигнальный мыс. – Обходя этот мыс, корабли входят из Авачинской бухты в Петропавловскую гавань... – говорил он, слегка покачивая головой, как бы размышляя вслух и с кем-то соглашаясь. Потом умолк, глубоко задумавшись.

Все замерли. Вдруг Муравьев свирепо оглядел своих спутников... Взгляд его быстро пронесся по всему крутому берегу.

– Я представляю себе, – воскликнул он, – штурм Петропавловска, на который в будущей войне пойдет английский командующий! Несомненно, вражеская эскадра пройдет мимо мыса Сигнального, попытается войти во внутреннюю бухту, в Ковш, будет бомбардировать город и попытается взять его десантом. Но город мы укрепим. На сопках будут расставлены батареи. Англичане – не любители лобовых атак. Получив отпор, они будут искать обходные пути...

Муравьев прошел по всему гребню хребта. Сейчас он как бы воображал себя командующим эскадрой, штурмующей Петропавловск.

– В случае неудачи, отвлекая русских ложными демонстрациями, англичане попытаются сделать обходное движение... Конечно, в составе эскадры у них будут люди, не раз побывавшие в здешних местах... Через хребты и вулканы британцы не пойдут. Десант возможен вот здесь! – вдруг решительно сказал губернатор, показывая вниз, туда, где Никольская гора обрывалась, примыкая к матерому низменному берегу... – Они пойдут в обход Никольской горы, прямо на город. Вот тут-то вы и встретите их картечью!

Убыстряя шаг, Муравьев стал умело спускаться вниз, туда, где его воображение рисовало будущую битву.

Машин краснел и смущался. Он даже готов был признать из уважения к губернатору, что тот все это придумал вот сейчас. Машин старался не выказать генералу своего смущения и от этого еще сильнее смешался. Губернатор заметил, что Машину не по себе, но это не имело никакого значения.

– Англичане никогда не смогут взять Петропавловска с фронта, горячо продолжал он. – Как только они высадятся и двинутся сюда по низине, в надежде, что здесь незащищенное, пустынное место, вы их встретите внезапным огнем. Бейте их картечью! – подняв правую руку, воскликнул генерал с таким жаром, как будто сражение уже началось.

Машин молчал. В Петропавловске сейчас была инвалидная команда, горсть казаков да ссыльные матросы. Несколько старых пушек расставлены на горах. Пока что на запросы об укреплении Камчатки не отвечали... Обещания, если их давали, не исполнялись... Не хватало сил привести в порядок китобоев. А чтобы разбить неприятельский флот, нужны эскадра, артиллерия, укрепления. Машин понимал, чего хочет губернатор. Примерно такие же намере-

ния были и у самого Машина, и не далее как вчера и сегодня утром он сам излагал их Муравьеву. Поэтому он и смущался, слушая теперь от него то, что сам ему говорил. Он понимал и другое: какие средства, силы и какая помощь нужны для этого Камчатке. Понимал он и то, что Муравьев мыслит дельно, что все краткие сведения о Камчатке, в том числе и его, Машина, высказывания, приняли в голове губернатора иной вид и сложился целый план обороны, который излагал сейчас Муравьев.

Однако это было не все. У Муравьева был еще один план. Пусть будет вторая линия укреплений, полагал он, но главное укрепление будет там, где в скалах вход в Авачу. Пока об этом он решил не говорить при всех.

– Так что вы хотели сказать, Ростислав Григорьевич? – спросил губернатор на обратном пути, дружески беря Машина за локоть. До сих пор он и не подавал вида, что заметил его недовольство.

Шли низиной, где Муравьев предполагал стрелять в противника картечью... За день обошли на шлюпках и пешком вокруг всего прибрежного хребта и сейчас возвращались к морю.

– Говорите мне все откровенно. Мне можно сказать все.

– Вот сразу же передо мной забота, ваше превосходительство, из чего будем платформы для батарей строить? Ведь подходящего-то леса у нас нет. Вот какие растут коряжины, – показал он на огромную сучковатую каменную березу. – Чтобы строить батареи на Никольской, нужен лес. Есть у нас немного бревен, да и те гнить начали. А судов для доставки нет, и людей нет. Суда принадлежат Компании.

– Я пришлю людей и транспорты, – ответил Муравьев. – Я попрошу государя направить в Петропавловск триста орудий. Это будет неприступнейшая твердыня. Так что уж бревна доставим и для батарей, и для постройки казенных зданий.

– Укрепить порт, поставить пушки, да и людей сюда подвезти, – заговорил Машин тоном откровения, – конечно, необходимо, ваше превосходительство, тогда всякое нападение сможем отбить. Но вот что предпримем, если иностранный флот блокирует Камчатку? Русского солдата трудно взять штыком или пулей, но голод – не тетка. Где возьмем продовольствие и артиллерийские припасы? Умереть мы готовы, ваше превосходительство, да умереть надо с толком. У англичан будет подвоз, они учредят крейсерство в Тихом океане, а как же мы станем снабжать Камчатку, когда каждую малость везем сюда из Кронштадта?..

Машин говорил дельно, но весь этот разговор не понравился Муравьеву. «Ведь, казалось бы, – думал он, – приехал губернатор, старается входить во все, выбирает места для батарей, дает указания – ухватись за все это и танцуй отсюда... Как будто я сам не знаю, что сюда нет подвоза».

– С Аяном будет пароходное сообщение, – сказал Муравьев. – Подвоз будет! А хлеб должен быть свой!

Машин вздохнул. Он опять продолжал про свое: о затруднениях, которые ждут Камчатку в случае открытия военных действий.

Муравьев понимал, что суждения Машина основательны. Но еще давно, отправляясь в путешествие, он решил сменить его. Не этот офицер представлялся ему в роли губернатора Камчатки. И сейчас Муравьев не намеревался изменять своего решения. У него был свой план преобразования Камчатки. Прежде чем укреплять этот порт и засылать транспорты и людей, учреждать тут крейсерство и возить бревна, он полагал, необходимо преобразовать Камчатку в особую область, дать ей начальника, в чине не меньшем, чем генерал-майор, назначить сюда штат офицеров и чиновников. Так понимали развитие какой-нибудь области царь и его чиновники, и это знал Муравьев. Он полагал, что только так можно привлечь к Камчатке внимание в Петербурге, а от этого, ему казалось, зависело все.

Участь же Машина была решена. Не ему придется строить батареи, о которых говорил сегодня Муравьев. Говоря о будущей обороне Петропавловска, Муравьев помнил, что тут

начальником будет не Машин, а другой, но генералу хотелось сказать все это именно сейчас, при офицерах, на месте будущих боевых действий, чтобы все слышали и помнили, как он, обходя хребты и бухты, сам выбирал стратегически важные пункты.

– Все, что вы говорите, Ростислав Григорьевич, все верно, но выход из положения есть, и даже не один, – сказал губернатор, намекая на амурскую проблему. – Камчатка будет обеспечена всем необходимым. И хлеб здесь со временем будет свой...

Доводы капитана были убедительны, но согласиться с ними Муравьев не мог. Вместе с тем он отлично запоминал все, что говорил Машин. Слушая его, он сам начинал понимать камчатскую жизнь, хотя вся речь прямодушного Машина была для губернатора как бы сплошной неприятностью.

Они спустились к морю. Кромка песчаных отмелей была в блестящих зеленых лентах морской травы, в ракушках и водорослях. Подошли шлюпки... На обратном пути в Петропавловск губернатор молчал. Шлюпки прошли вдоль хребта, опять обогнули Сигнальный мыс и, войдя в Ковш мимо кошки, пристали напротив домика начальника порта.

– О! – с живостью воскликнула Екатерина Николаевна, встречая мужа на маленькой террасе. – Хороша ли прогулка?

– Очень хороша! – целуя ей руку и оживляясь, отвечал Муравьев. – Стоило мне самому обойти все эти сопки и берега, – воскликнул он с воодушевлением, – как я нашел великолепные стратегические пункты, откуда враг будет безошибочно поражен, если дерзнет напасть. Я осуществляю свой план! По значимости Петропавловск станет подобен нашей крепости на Черном море – Севастополю! Но насколько Великий океан больше Черного моря, настолько и Камчатка с Петропавловском со временем будет важнее крымских крепостей... Я так ясно сказал все это Машину, что ему остается только исполнять...

– Но ведь Машина скоро не будет здесь? – чуть выкатывая свои красивые глаза, с деланонаивной улыбкой спросила Екатерина Николаевна.

– Кому-то должен же был я сказать все это, – шутливо ответил Муравьев.

Екатерина Николаевна стала рассказывать, что и она, и Элиз без ума от преосвященного Иннокентия.

– Милый человек, остроумный собеседник... Завтра концерт Христиани... Все ждут с нетерпением... Его преосвященство не хотел прийти, но мы сказали, что будут исполняться французские народные песни, и он согласился.

Муравьев подумал, что ведь это первый настоящий концерт за время существования Камчатки, что он вводит здесь цивилизацию...

За обедом хлопали пробки. Пили за государя императора, за могущество Российской империи на Тихом океане, за генерал-адмирала русского флота великого князя Константина, за здоровье генерал-губернатора и его супруги Екатерины Николаевны, за начало новой эры в жизни Камчатки; один из чиновников читал стихи, посвященные Муравьеву и его приезду в Петропавловск.

После обеда Иннокентий рассказывал анекдоты из жизни алеутов и индейцев. Про себя он не поминал, но понятно было, что он все видел своими глазами, бывал там, куда не ступала нога европейца, что он обращал в православие людей в тундре и на островах среди океана. В рассказах о жизни доверчивых и прямодушных туземцев как бы все время подразумевались подвиги самого Иннокентия.

Екатерина Николаевна не все понимала, иногда наклонялась к мужу, и он переводил по-французски. Тогда она делала изумленное лицо и вдруг, как бы обрадовавшись, кивала головой с таким видом, словно встретила старого знакомого, которого не сразу узнала.

Иннокентий чувствовал, что его рассказы крепко запомнятся, что и губернатор, и эти блестящие дамы в парижских туалетах, и чиновники из свиты генерала, когда покинут Камчатку, будут и в Москве, и в Петербурге рассказывать про него и повторять все, что он гово-

рил. Он чувствовал, что слушатели ловят каждое его слово и разнесут еще шире его славу. Он знал, что это общество людей, чуждых церкви, будет ему верным пособником в его будущей духовной карьере.

Екатерина Николаевна и Элиз смеялись от души. Эпизоды из жизни наивных алеуток можно было смело рассказывать в Париже.

На другой день Муравьев на шлюпке отправился искать места для устройства первой линии укреплений. Он лазил по далеким горам. Особенно занимала его Тарьинская губа – один из заливов внутренней Авачинской бухты.

«Тут можно прорыть канал!» – полагал Муравьев.

– У входа в Авачу поставим сильные батареи... – говорил он в этот день Машину. – Прокопать канал из Тарьинской губы в океан. Конечно, нужен канал. Как «нельзя»? Все можно сделать, нужно только захотеть!

Он изложил свой план лишь одному Ростиславу Григорьевичу.

– И вот английский флот подходит к Камчатке. У нас сильные укрепления у входа в Авачу... И мы, – воскликнул он, хватая Ростислава Григорьевича за руку, – впускаем его! Флот входит в залив, в бухту! Батареи молчат! Англичане идут к Петропавловску, предполагая, что тут все еще пустыня. Но там их встречает ураганный огонь трехсот орудий. Как им быть? Обратно! Но в это время наш флот по каналу уже вышел им в тыл. Английский флот отрезан. Наши корабли и батареи первой линии бомбардируют его. Прорваться нельзя! Наши суда стоят у входа. Подвоза продовольствия нет!

И все это говорилось в маленьком домашнем кабинете Машина, где перегородки оклеены синими обоями, где два портрета в овальных золоченых рамках на стене, а в окне печальный вид...

Губернатор все же нравился Машину. Это был живой человек, и поговорить с ним было сущим удовольствием. Он тут все видел по-другому, не по-здешнему, ко всему подходил с иной, своей, меркой.

– Кто будет возражать?! Плохо ли! Конечно, можно и канал прорыть, – согласился Машин, – но сколько же на это людей надо, тысячи! А людей надо кормить. Провизия нужна, суда, бараки. А мы за двадцать пять лет госпиталя не можем исхлопотать...

– Люди будут! – сказал губернатор, останавливаясь у окна и глядя вдаль, на вешала с рыбой. – Люди будут! – повторил он.

Но пока что лопат не было, не то что канала – простую канаву прорыть не могли, якорей нет для лодок. Но что ни скажи – губернатор свое: «Будут!», «Будут!». Что же! Может быть, и будут... Машин готов был служить и стараться.

Побывали еще раз на Тарье. Губернатор возвращался на шлюпке очень довольный, а Машин был в сильном недоумении.

«На что он надеется? – думал Ростислав Григорьевич. – Кажется, он человек дела. Видно, по Амуру он все хочет сюда доставить. Дай-то Бог...»

А вечером про дела забыли. Был дан концерт. Сначала выступал французский хор, составленный Элиз из матросов китобойного судна, спасенного «Иртышом» по пути в Петропавловск. Пели французские народные песни. Элиз запевала своим низким контральто, матросы, старые и молодые, с восторгом подхватывали... Концерт вышел на славу.

– Скромнейшая девица и преотличный музыкант, – говорил про француженку Иннокентий.

Через несколько дней был дан еще один прощальный обед и еще один концерт. Кричали «ура» за новую эру и процветание Камчатки. План о прорытии канала был секретом, но многие догадывались, что не только в гавани, но и у входа в Авачу предстоят работы.

А наутро губернатор с опухшими глазами, в сопровождении жены, мадемуазель Элиз и спутников отбыл на корабль. На берегу грянули пушки. «Иртыш» вышел из Ковша.

У выхода из большой губы в океан, между сопок, там, где на одной из них, на Бабушке, был маяк и вышка для наблюдения за морем, шлюпка с Машиным отстала от судна.

«Тут собирается Муравьев окружить и взять в плен английский флот, – думал он. – Дай-то Бог...»

Машин вернулся в Петропавловск. Он вылез на шлюпки и, держа в руках форменную фуражку, долго стоял на песке, как бы не зная, куда идти. Перед ним были тощие лица столпившихся обывателей, с удивлением смотревших на своего начальника. Стаи линявших собак бродили повсюду. Сушилась рыба на вешалах.

Машин обтер потный лоб, как бы желая опомниться. Великие планы, концерты знаменитой виолончелистки, ящики с шампанским, тосты за новую эру – все пролетело, как сон. Но он чувствовал, что Муравьев побывал тут не зря, что, видно, где-то собирается гроза и ее ждут в эти края, а где гроза, там и почести.

«Быть войне! – почувствовал Машин. – Не зря он приезжал».

Не зря мелькнула на Камчатке эта богатая жизнь, пела виолончель парижанки и лилось шампанское, и, видно, на самом деле не за горами было время, когда сюда нагонят людей, когда грянут батареи и польется кровь...

Глава шестая. Морское путешествие Муравьева

«Иртыш» шел к югу.

Где-то за горизонтом был таинственный для европейца новый мир! Сахалин, Япония, берега Татарии... «Байкал» ушел туда на открытие. Судьба этого судна тревожила губернатора. Муравьев желал сам разыскать Невельского, встретить его и, может быть, войти вместе с ним в лиман Амура, сделать первый шаг к сближению России с громаднейшим миром будущего, с древними странами Востока – Китаем и Японией. Но пока никаких признаков ни Китая, ни Японии. Шумело холодное море... Изредка виднелся парус китобоя...

Солнце еще не всходило. Слева, низко над океаном, занимается желтая заря. Небо с редкими звездами совершенно голубое. Паруса в тени. С кормы они кажутся черными. Видны черные силуэты матросов, навалившихся животами на рей.

Заря краснеет, и полоса ее подымается над медленно и шумно волнующимся морем. Его ровное, но тяжелое дыхание вздымает судно, клонит мачты, качает горизонт...

Капитан и генерал-губернатор с подозрными трубами на полуюте осматривают дали, открывающиеся из-под ночной завесы.

«Нет “Байкала!”» – думает Муравьев.

«Нет “Байкала”, – озабоченно думает Поплонский. – Как идти дальше?... Карт нет, глубины не исследованы. Все предосторожности приняты, но каждый миг может быть катастрофа...»

– Идем пять-шесть узлов, – показывая ладонью на темные волны, говорит капитан по-французски, обращаясь к генерал-губернатору.

Муравьев молчит. Воротник его шинели поднят. Ветерок, прохладно, сыро. Муравьев чувствует себя отлично... Он человек, привыкший ко всякому климату и готовый ко всяким случайностям.

«Я могу сказать государю, – думает он, – что сам плавал по Тихому океану, входил в Курильский пролив, сам пересек Охотское море, был у Сахалина. Штормы, тайфун в Охотском море перенес сам! Для Петербурга достаточно. Там и поездка в Якутию – чуть не подвиг... Ни один из губернаторов Сибири не посмел сюда носа показать. Да что – сюда! На побережье никто не бывал, Камчатки никто не видал! Государь сам вечно в пути, не боится дорог, хотя его вон вывалили под Пензой из кареты. С него пример беру, не стесняюсь расстояниями и тяготами, так я скажу в Петербурге».

В полдень стала видна синяя полоска – северный берег Сахалина. Наутро «Иртыш» подошел к нему. Качка была порядочная. Муравьеву не очень хотелось съезжать на берег в такое волнение, но надо было.

На берегу ни признака жизни. Ни дыма, ни следа человеческой ноги. Не только никакого влияния Китая или Японии вообще, но ни лодки, ни паруса на поверхности моря. Казалось, тут край земли. На суеверного человека может напасть ужас.

Дул холодный ветер. Небо хмурилось. «Сентябрь месяц, – думал губернатор, – а такой холодище, гораздо прохладней, чем на Камчатке...»

Скрестив руки, губернатор долго стоял на песке. Его спутники – Струве, Штубендорф и рослый поручик Ваганов, всегда с охотой кидавшийся выполнять рискованные поручения, ждали. Всем надоело, все прохаживались; даже вышколенный и педантичный Струве припадал на ногу, как свищёная лошадь, но губернатор стоял не шелохнувшись.

«Пусть подольше подождут и хорошенько запомнят, как высаживались на Сахалин, – подумал Муравьев, замечая нетерпение чиновников. – Пусть помнят, как я искал “Байкал”, пусть поймут, как важно это для России, какое значение этому я придаю. Пусть помнят, что тут стоял губернатор... Уж одним тем, что губернатор стоит на Сахалине, вновь утверждается исконное право России на этот полуостров. Это не забудется. Станут потом показывать это место и говорить, что вот, мол, здесь стоял Муравьев, смотрел на пустынное море и ждал “Байкала”... Сейчас, конечно, им не очень нравится... но пусть потерпят».

Ветер ударил с силой и хлестнул песком в лицо губернатора.

– Но хотя бы след какого-нибудь сахалинского Пятницы!

Муравьев с глубокомысленным видом прошелся по песку, носком начищенного сапога ковыряя белое щепье, нанесенное когда-то прибоем и как бы вросшее в отмель.

«Как могли Хвостов и Давыдов оставить на этом острове пятерых матросов? – думал он, вспоминая, что Невельской рассказывал ему в Петербурге, в гостинице “Бокэн”. – Какова судьба их? Где они? Жив ли хоть один? Невельской желал выяснить это. История историей, а в настоящем мало утешительного. Где же Невельской? Это становится загадочным». На крайний случай Муравьеву хотелось бы встретить его в море, как бы сопутствовать Невельскому при его открытиях. «Наивные мечты! – подумал он. – А ведь я желал вместе с Невельским пройти в лиман». Но, кроме того, заботила деловая сторона, судьба открытия; надо было знать основное, важное и серьезнейшее – доступна ли река...

Губернатор пошел к шлюпке. Он не сказал никому ни слова. На судне Муравьев вызвал капитана в свою каюту.

– Идем на юг, Владимир Петрович, нам необходимо встретить Невельского.

Поплонский пытался возражать, но губернатор не стал его слушать.

– Куда мы идем? – спросила Екатерина Николаевна, появляясь в салоне, когда ушел капитан.

– На юг, к лиману Амура!

Взглянув в открытый иллюминатор, где сквозь брызги виднелись низкие пески Сахалина, Муравьева повела плечами.

К полудню ветер достиг силы в шесть баллов. За обедом в тарелки укладывали ложки и вилки, чтобы суп не плескался. В море, да еще в прохладные дни, ели с особенным аппетитом. Суп медленно набегал то на один край тарелки, то на другой... После обеда Муравьев вышел на полуют.

– Не видно «Байкала»? – спросил он, берясь за трубу, поданную штурманом.

– Нет нигде... – ответил Поплонский.

Ветер вдруг переменялся и стал крепчать. Судно понесло к сахалинскому берегу.

«Черт возьми!» – думал Муравьев, глядя, как отчаянно боролись матросы со штормом...

Наутро видимость была отличная.

– «Байкала» нет нигде. По-моему, Николай Николаевич, нам не следует идти дальше, – говорил Поплонский. – Мы не можем доверять имеющимся картам... Продвигаясь к югу, мы рискуем... Один я готов не задумываясь... – Он сказал, что не смеет подвергать опасности судно, на котором находится губернатор.

– А если идти дальше? – быстро спросил Муравьев.

– Дальше – мы рискуем, – повторил капитан. – Дальше начинается загадка. Море не исследовано, и мы можем подвергнуться разным неприятностям.

Муравьеву уж и самому не хотелось идти дальше, и Екатерина Николаевна страдала... Все эти моря, пески и скалы осточертели и ей, и ему. Но он сделал вид, что недоволен советом Поплонского, и строго нахмурился.

Губернатор долго смотрел вперед, туда, где простиралось неведомое море, направляя свою трубу в разные стороны, и долго еще молчал. Идти туда не хотелось, но и выказать этого нельзя...

– В Аян! – вдруг решительно приказал он, как бы скрепя сердце и с большой досадой, поддавшись уговорам Поплонского, и спустился к себе по трапу.

– На брасы! – услышал он наверху повеселевший голос капитана и, сам радуясь, что кончатся эти надоевшие поиски, вошел в каюту. Послышался скрип штурвала и характерный стук троса. Руль переключивали, менялся курс.

– Плавать у Сахалина, да еще с губернатором, по старым картам, – говорил в это время Поплонский, – выбросит штормом на берег или сядем на мель...

– А у нас еще француженка, – сияя, отвечал молоденький штурманский помощник.

– Да боже упаси, сраму не оберешься! – подхватил Поплонский. – Как крепишь, анафема! – зверски заревел он в трубу и, опустив ее, снова обратился к юноше: – А любезная девица, очень пикантная...

– Я приказал идти в Аян, – говорил губернатор жене, которая, кутаясь в соболью накидку, сидела в салоне с мадемуазель Христиани и гадала на картах. Екатерина Николаевна бледна и сегодня не подымается наверх. Желтизна стала проступать на ее лице.

– Я уверен, что Невельской уже в Аяне, – сказал Муравьев, снимая мокрый плащ. – Он мог закончить опись...

Через два дня «Иртыш» проходил вблизи Шантарских островов; их голубые хребты с широкими разлогами закрывал туман, но на море тумана не было, и солнце светило ярко, и видно было, что туман на берегу становился все гуще по мере того, как судно приближалось.

– Что это такое? – наконец не вытерпел Муравьев.

– Дым, ваше превосходительство! – отчеканил Поплонский.

– Дым? Или туман?

– Нет, это дым... Обычное явление в здешних местах. Китобои где-нибудь высаживались на берег, топили жир или рубили дрова для вытопки и подожгли лес, чтобы сох, чтобы лучше были дрова на будущий год...

– Ка-ак! – Муравьев кинулся к борту с таким видом, как будто перед ним были не Шантарские острова, а провинившиеся чиновники, которых надлежало распечь. – Какое же право имеют китобои жечь наши леса?

– Они без всякого права делают все, что им вздумается.

Муравьев покачал головой: не первый раз слышал он такой ответ. «Ну, ничего! – думал он. – Эти сведения еще пригодятся. Все это новые и новые подробности для преинтереснейшего, увлекательного, как роман, доклада на высочайшее имя».

Он стоял на полуоткрытой и снова размышлял о том, что надо сделать тут, на Восточном океане.

Клубы белого дыма подымались из океана, и вскоре черные и синие вершины Шантаров совсем исчезли в облаках.

«Боже мой! – думал Муравьев под шум волн, как бы игравших с кормой. – Дать жизнь этим великим просторам! Камчатка, Сахалин, Шантары, Охотский берег... Что за народ, который занял все эти земли, что за богатырь. Каждый бежал отчего-то за Урал, а потом, на краю света, заняв эти Шантары или реку Охоту, слал челобитную в Москву!.. Никому и в голову не приходило зажить тут князьком самостоятельно... И теперь, когда Балтийское море все более превращается в большое озеро, когда вскоре без океана жить нельзя будет, весь этот мужицкий запас земли, припасенный для Руси два и три века тому назад, все эти Шантары, Охоты и Авачи сослужат еще нам великую службу...»

Дни губернатор проводил в салоне, составляя письма в Петербург и обширную докладную царю о результатах своего путешествия и о необходимости преобразования в управлении Восточной Сибири. В перерывах пил ром с водой и, разгоряченный, без шинели, подымался наверх и проводил на полуките целые часы.

– Nicolas, vous etes fou!¹ – с тревогой говорила ему Екатерина Николаевна. – Ты простудишься в такой холод!

– Мой дедушка всегда учил нас, – отвечал Николай Николаевич, – мешай дело с бездельем – с ума не сойдешь...

Екатерина Николаевна в шторм лежала с книгой; она знала, как вести себя в любых условиях, ела немного, но вовремя, никогда не падала духом и часто оживленно разговаривала с Элиз.

Однажды к вечеру открылся матерый берег. На рассвете завиделся Аян.

– Вижу корабли в гавани... – доложил впередсмотрящий.

– В гавани есть суда. «Байкал» стоит, – сказал Поплонский.

Муравьев почувствовал, что с плеч у него сваливается гора...

– Вон и «Байкал»! – сказал он жене, которая поднялась наверх.

– О, «Байкал» здесь!

– А вон и «Кадьяк», – заметил Поплонский. – Действительно, это «Кадьяк»! А за ним «Байкал»!

– Все здесь, слава богу! Какая удача! Если «Кадьяк», то наш Миша тут! – сказал Муравьев, опять обратившись к Екатерине Николаевне. – А мы искали их!

Утреннее солнце светило прямо на крыши Аяна. С моря здания казались большими. Как вырезанные из белой бумаги, проступали они на склонах черных хребтов.

«Что мне думать и искать, – размышлял Муравьев, – ясно, губернатором Камчатки должен быть Завойко. Вот его деятельность, как на ладони». Губернатор уже познакомился с Завойко. Проезжая через Якутск, он вызвал его туда из Аяна и вынес впечатление, что это человек дельный.

Подтверждения были сейчас налицо. За время своего путешествия Муравьев никогда не видал столько новых построек. На Камчатке старые здания разваливались, новый госпиталь возводился двадцать лет, Охотск был грудой гнилья, а в Аяне – все новенькое. И место оживленное, корабли стоят. Завойко – наилучшая фигура для Камчатки! Он трезв, делен, тверд, как кремь, здоров. Молодчина! Когда-то под Наварином упал с реи на палубу во время боя, сломал руку, ребра и остался в строю. Герой и тверд духом.

Муравьев подумал, что с назначением Завойко следует поспешить, пока Компания не дала ему повышения. Муравьев размечтался, какое огромное дело разовьет он с помощью Завойко на Камчатке! Порт, казармы, дома для чиновников! «Полосатые будки выстрою и велю срисовать, представлю государю... – иронически подумал он, – чтобы видел, что полиция повсюду в России, даже на берегах Тихого океана...»

---

¹ Николай, вы безумец! (франц.)

Муравьев стал смотреть снова на берег. Где-то там были Невельской, Завойко, Корсаков. Один пришел из важнейшей экспедиции, другой был виднейшим администратором, третий – Миша Корсаков – родным, близким человеком, неутомимым исполнителем.

Муравьев чувствовал свою силу и власть над этими людьми, исполнявшими его замыслы. А Поплонского, видимо, что-то беспокоило. Он то и дело наводил трубу в глубь бухты. – Да-а... – задумчиво и как бы с тревогой наконец вымолвил он.

Этот маленький пожилой человек, смущаясь, необычайно быстро краснел. Лицо его и на этот раз побагровело. Осторожно шагнув маленькой ножкой к Муравьеву, он замер, видимо, не решаясь заговорить, и снова стал смотреть на берег.

– А «Байкала» в гавани нет! – звонким голосом заметил штурманский помощник, обращаясь к капитану.

Поплонский покраснел еще сильнее. Он давно заметил, что «Байкала» нет в гавани, что там стоят бот «Кадьяк», китобойное судно и старый компанейский транспорт «Охотск».

– Нет? – спросил Муравьев, скрывая вдруг охвативший его холод.

– Нет «Байкала», ваше превосходительство, – подтвердил капитан. – Это стоит китобой, двухмачтовое судно, под американским флагом!

– Что за чертовщина? – невольно вырвалось у губернатора.

Не обращая больше внимания на Аян, он стал смотреть на суда.

– Вот это бот «Кадьяк», на котором уходил Михаил Семенович, а это старый транспорт «Охотск», – говорил капитан.

– «Охотск»? – строго переспросил губернатор.

– Да, «Охотск». Старое судно, возит пушнину в Аян из Америки. Четыре года тому назад директор Гудзонбайской компании Симпсон приходил на нем в Охотский порт из Ново-Архангельска, – рассказывал Поплонский, пытаясь расшевелить губернатора. – Да, этим «Охотском» командовал тогда Кадин, который вместе с Орловым нашел Аян, а уж потом тут стали строиться, перевели сюда факторию.

Муравьев был темнее тучи. Ему хотелось крикнуть: «К черту Аян! Где Невельской?» Губернатор готов был схватить Поплонского за ворот, накричать, затопать ногами. Но он молчал и терпеливо ждал, не желая отказаться от мысли, что Невельского в Аяне нет.

«Корсаков вернулся, но вернулся ни с чем, – думал он. – Что же случилось? Неужели...»

Мимо проплыли черные утесы, торчавшие среди моря. Тучи чаек с криками носились над ними. Один утес, отколовшись от берега, стоял, подобно покосившемуся высокому черному памятнику. Белые чайки усыпали его, как снегом, – такое их множество. Судно вошло в гавань. Теперь ясно были видны флаги и даже названия судов.

От берега шла шлюпка. Вскоре на палубу «Иртыша» поднялся Корсаков. Он из известной семьи Корсаковых, из которой вышло много русских деятелей. Его отец ныне в отставке, в прошлом крупнейший русский инженер. Корсакову двадцать два года, у него пухлое румяное лицо, Светлые усы и голубые глаза. Он высок, плечист, ловок, неутомим и точен. Это золото, а не человек, как говорит о нем губернатор, лучшего адъютанта и желать нельзя. До прошлого года он служил в гвардии в Семеновском полку.

С ним вместе приехал рослый рыжеватый человек с короткими и густыми, как шерсть, волосами, с толстыми красными губами и голубыми глазами навыкате, в мундире капитана второго ранга. Это был Завойко.

Глава седьмая. Хозяин

– Миша, откуда же ты? – с нетерпением спросил губернатор, переводя взор с Корсакова на Завойко и опять на Михаила Семеновича.

– Я был у Сахалина и вблизи лимана Амура, – ответил Корсаков, и по выражению, мелькнувшему в его голубых глазах, Муравьев почувствовал, что случилось несчастье.

– Где Невельской? – воскликнул он.

– Николай Николаевич, – глухо проговорил Корсаков, – «Байкал» погиб!

– Погиб? О боже! – Муравьев снял фуражку и отер платком лоб и лысеющую голову.

Корсаков смотрел все так же пристально и насупленно, словно старался рассмотреть что-то на лице губернатора. Он был безгранично влюблен в своего начальника.

– Мною приняты все меры для разыскания «Байкала», – заговорил Завойко, – посланы служащие Компании и опытные проводники. Но есть сведения, – твердо сказал он, – что транспорт «Байкал» погиб.

– Погиб! – с ужасом вымолвил Муравьев. Он ссутулился и потемнел лицом. – Идемте, господа, идемте, – тихо сказал он и спустился к себе.

Корсаков никогда не видал его таким. Ему стало жаль Муравьева. В каюте Миша поздоровался с Екатериной Николаевной и Элиз. Взор его несколько просветлел при виде Христиани, однако он был, видимо, так озабочен, что лишь на мгновение на лице его мелькнуло новое выражение, по которому можно было догадаться, что встреча с ней более чем приятна ему, но что он огорчен гибелью судна.

– Я искал его у берегов Сахалина и только вчера вернулся, – стал объяснять он.

– У нас слухи от гиляков, что двухмачтовое судно, по всем описаниям, «Байкал», разбито штормом и выброшено на камни, – добавил Завойко. – Вся команда, за исключением, быть может, нескольких человек, погибла. Их, вероятно, приняли за китобоев, так и перебили, поскольку китобоев гиляки ненавидят.

– Как это могло случиться?

– При подходе к лиману – два пояса мелей и дальше непроходимый лиман, наполненный банками, – сказал Завойко. – Судно Невельского, видимо, погибло на втором поясе мелей при попытке пройти в лиман и лежит там... Сведения получены от торгующих туземцев, они уверяют, что «Байкал» разбился и разграблен гиляками, которые сначала выказали дружбу русским, а потом перебили всех, кто остался жив. Трое или четверо ушли по берегу... Да вот Орлов, мой служащий, вернется, это человек бывалый, он еще прежде послан мною на розыски «Байкала». Он привезет точные сведения.

– Когда вы послали Орлова? – спросил губернатор.

«На Завойко вся надежда, – уверял он себя. – Он здоровый, крепкий человек, привычный к опасностям».

Когда губернатор с женой и со свитой съехал на берег, здания Аяна уж не казались такими большими, как представлялось с моря.

Дом у начальника прост, с мезонином, с садом из березок, оставленных при вырубке, и застекленной оранжереей. Свежие кадушки стояли под деревянными желобами около углов... Из окна столовой вид на бухту.

– Какие прелестные малютки!

– Ах! Милые дети! – пришли в восторг Элиз и губернаторша при виде двух голубоглазых девочек с голубыми бантами. Девочки, приседая, поздоровались по-французски. Жена Завойко вышла с грудным ребенком на руках. За нею появились два мальчика, тоже с бантами.

– Превосходная мебель! – заметил Струве. – По новому аяно-майскому тракту вы доставили ее сюда? – спросил он у хозяина.

– Нет, это из Бостона! – ответил Завойко.

Госпожа Завойко в голубом платье, с голубыми глазами, веки которых красноваты, вся в крахмальных кружевах, румяная и белокурая.

В Юлии Егоровне губернаторша сразу почувствовала сдержанную, но страстную и сильную натуру. «В ней что-то есть, какое-то вдохновение...» – подумала она, чувствуя на себе

приветливый, умный взгляд хозяйки. Муравьева уже знала, что Юлия Егоровна, урожденная баронесса Врангель, прекрасная хозяйка и мать большой семьи и что Завойко – человек, с трудом пробивший себе дорогу в жизни, что на его иждивении две семьи: своя – в Аяне и жены – в Петербурге, где жили ее мать, младший брат и две сестры. Правда, старший брат Юлии – Вильгельм – помогал своей матери, но и Юлия с мужем постоянно слали туда посылки и деньги.

– Какая прелесть этот ваш дом! Вы не тяготитесь своим арктическим уединением? – спросила губернаторша хозяйку.

– Нет! – улыбаясь ответила Юлия Егоровна и добавила: – Это наш долг!

Она спросила губернаторшу, как та перенесла путешествие.

Оттого что закончился морской путь, Екатерина Николаевна чувствовала себя успокоенной и ей всех хотелось видеть счастливыми. Но известие о гибели Невельского отравляло всю радость.

– Мы так ждали тут встречи с «Байкалом»! – заговорила Екатерина Николаевна.

– Ах, такой ужас! Такой ужас! – ответила хозяйка. Внесли чемоданы Муравьевых. На кухню отправился повар. Хозяева в эти дни в ожидании приезда гостей переселились в мезонин.

После обеда гуляли по саду. Слушая рассказы хозяйки, Екатерина Николаевна содрогалась. Она видела, сколько труда вложено в Аян... И этот печальный сибирский сад на берегу, вроде тех, что и она, и Элиз видели в Тобольске... Чувствовалось, что тут еще совсем недавно был чахлый северный лес. И береза, вот эта, например, под окном, сквозь редкие остатки пожелтевшей листвы которой видно прозрачное и холодное синее небо Сибири и горы в рыжей хвое, – эта береза изо всех сил тянулась к скудному солнцу; тонкая, худая, она ссутулилась смолоду. А лес вокруг вырубил, и она стоит стыдливо, не в силах скрыть своего смешного роста, стоит, как раздетая напоказ. Печален этот сад... И кое-где пеньки, кажется, совсем недавно выкорчевали, на их месте, как вскопанные, пятна свежей земли... И скамейка на пеньках, и гамак на березах – от всего веет печалью. Но во всем виден суровый и строгий, упрямый хозяин, который пытается взять свое и от этой жесткой и скудной природы.

Завойко сводил гостей на наблюдательный пункт в беседке, откуда видно, как входят в гавань суда.

– Так вы не боитесь здесь? – полушутливо спросил губернатор у Юлии Егоровны.

– Ах, нет! – ответила она и, улыбнувшись, с гордостью посмотрела на мужа. – Да и чего бояться!

– Из вашего окна виден океан. Пираты и китобои...

– Да, ваше превосходительство, мы уже видали и пиратов, и тех китобоев и научились обходиться с ними, – сказал Завойко, слегка сжимая кулак.

Завойко, стоя у входа в беседку и показывая то на море, то на свой дом, стал рассказывать о жизни в Аяне. Юлия Егоровна иногда вставляла короткие замечания.

Василий Степанович говорил, что океан – вот, рядом... А на берегу жилье, сарай с товарами, вешала для рыбы, домики служащих, женщины, дети... Чуть подальше, но тут же, его дом, который не зря строен из огромных бревен, как крепость; крепкие ставни, по ночам вооруженные сторожа у дома, у конторы и складов. Пушка заряжена всегда. Можно спать спокойно. А вот когда приходят суда, надо быть начеку...

Картина суровой жизни раскрывалась в рассказах мужа и жены. Они приехали в Охотск сразу после свадьбы.

– Да, так и живу, всегда пистолеты заряжены и с собой. Но уж и китобои у меня пикнуть не смеют, – говорил Завойко. – Мы обламываем их не только посредством кулаков и оружия... Нет, ваше превосходительство. Я давно уже подобрал особый ключ. Это народ, нуждающийся во всем: в дровах, в воде, в свежем мясе. В Охотске, где правительственный порт и кормится целая свора бездельников, ничего нельзя было сделать, так я предпочел убрать оттуда факто-

рию и уехать. А тут уж сам себе стал полным хозяином и сумел заставить иностранцев кланяться. С американцами очень хорошо можно жить. Только себя в обиду не давать да знать, в чем у них нужда. И требовать, чтобы соблюдали уважение флагу!

Завойко подвел гостей к низкому зданию с застекленной крышей, распахнул туда дверь.

– Да вот и наша оранжерея, Николай Николаевич! Осторожней! А вот извольте видеть, какое тут произрастает произведение.

На земле лежал арбуз.

– Вот, ваше превосходительство, Николай Николаевич! То ж настоящий кавун! И я берег его для вас, чтоб порадовать им вас и вашу супругу, Екатерину Николаевну. Ну, знал, что при таком вояже могут быть заболевания цингой, и, заботясь о вашем здоровье...

Он взял нож у садовника и сам срезал арбуз.

– Так его и попробуем тут же на моей бахче, ваше превосходительство, чтобы как в деревне. Мы люди простые и не знаем тонких правил и просим нас простить, что служим дорогим гостям всем нашим сердцем.

– Арбуз действительно поразительный! – сказал Муравьев.

– Когда надо, то и хлеб научишься сеять на болоте, и ловить рыбу, и кавуны выращивать, ваше превосходительство! – говорил Завойко, намекая на тот разговор о хлебосеянии на Камчатке, который был у него с губернатором в Якутске, где Муравьев утверждал, что Камчатку надо обеспечить со временем своим хлебом.

Арбуз был на славу, и его тут же испробовали. Жена Завойко поднесла по букету цветов Екатерине Николаевне и Элиз.

– Это уже как наш покойный папаша, барон Егор Егорович, был любитель цветов, то и у нас цветы не переводятся, где бы мы ни жили, – сказал Завойко.

Потом он рассказывал о ловле рыбы, о торге с тунгусами, о кабанчиках, которых он держит на мясо к зиме, чтобы кормить не только служащих, но и окрестное население.

– И раскормил не рыбой, как тут всюду заведено, мясо их рыбой и не пахнет, как, верно, ваше превосходительство, Николай Николаевич, вы уже заметили за обедом.

– Так разве это была свинина?

– То была свинина! Ей-богу! – воскликнул польщенный Василий Степанович.

Потом он показал картофельное поле.

– Чтоб прокормиться со своей семьей, я сам с Юлией Егоровной копаю этот картофель, и вот Михаил Семенович, – кивнул он на Корсакова, – не даст мне соврать, сами видели, как моя супруга Юлия Егоровна и дети собирали нынче картофель, и теперь мы с запасом и, Бог даст, поэтому, может быть, выживем до весны...

Завойко, как поэт, рассказывал о заготовке черемши, вяленой оленины и о картофельном огороде. А уже вечерело и солнце садилось. «Чудо, что за вид», – думал губернатор. Вдали море побледнело. Мыс и скалы уткнулись в него, как в белую стену. Выше мыса море стлалось несколькими белыми и голубыми полосами.

Чтобы губернатор видел, как охраняется Аян, Завойко велел сегодня выставить усиленную охрану. Хотя Василий Степанович спал по ночам спокойно и совсем не тревожился, что могут напасть китобои, но он верно угадал характер Муравьева, что тому нравится, когда все под охраной, хотя бы и некого было бояться.

«Да, Завойко полон деятельности, он весь в хозяйстве, он – хозяин! – думал Муравьев. – Настоящий хохол! Землю любит и чудеса на ней сделает! Он действительно простой человек, в нем нет ничего от наших пустых фанфаронов-дворянчиков, он человек дела, труженик...»

Глава восьмая. Городничий и Завойко

Вечером Муравьев беседовал с Василием Степановичем о делах. Кабинет у Завойко небольшой, оклеенный красными обоями с позолотой. Над столом портрет царя, а на стене справа, над бостонским кожаным диваном, – Фердинанда Врангеля; оба – в бронзовых рамках.

Муравьева сильно заботил Невельской, но он не хотел обнаруживать лишнего беспокойства. Разговор пошел о Камчатке, что в первую очередь нужно обсудить. Завойко знал, чего хочет от него губернатор. Приезжая на Камчатку, Муравьев вызывал его для беседы в Якутск. Там он ни с того ни с сего закатил Завойко «распеканцию», а потом, когда заметил, что не на того напал, объяснил, что это у него обычай задать для начала «острастку».

В Якутске губернатор развил перед Завойко планы на будущее, сказал о предстоящем преобразовании Камчатки и обещал ему чин генерала. Теперь, после путешествия, губернатор, казалось, стал сдержанней на посулы, но по тому, как он дружески держался с Завойко, тот чувствовал: дело сладится.

– Итак, Василий Степанович, судьба Охотска решена! Охотск как порт неудобен! Я теперь прекрасно представляю, почему вам пришлось перенести факторию!

Муравьев помолчал, давая возможность почувствовать похвалу, скрытую в своих словах.

Но Завойко желал сейчас не комплиментов. Воротясь из Якутска, он думал о Камчатке и в беседах с женой не раз сам себя сравнивал с гоголевским городничим, который уже решил, что стал генералом и что ему черт не брат, когда все это были лишь басни Хлестакова.

«Однако я ему не Антон Антонович! – думал он про Муравьева и решил держаться крепко и не оболящаться губернаторскими посулами. – Губернатор, как приехал, еще ничего не говорил о деле».

Под делом он подразумевал производство и назначение на Камчатку. Правда, за обедом Муравьев хвалил Камчатку, но потом свернул на пустяки, может быть, показывая, что не торопится. «Ну, так я тоже не тороплюсь, – решил Завойко, – до будущего года еще времени много, а если он не хочет, так мне предлагают хорошее место...»

– Вы знаете, Василий Степанович, – продолжал Муравьев, – что государь император повелел мне. Лишь теперь, побывавши на Камчатке, я понимаю всю глубину этого мудрого повеления.

Он долго говорил с Завойко в этот вечер. И наконец объявил, что напишет царю обо всем, что сделано в Аяне.

– Да вы еще посмотрите, все посмотрите, Николай Николаевич! – воскликнул воодушевленный Завойко, поддаваясь на этот ход. – Ведь я вам еще не все показал...

– Да уже я все, все и так понял! – ответил Муравьев и добавил категорически: – Мне больше ничего не надо. Я знаю вас и поручусь головой.

Он действительно решил писать царю о Завойко.

– Я уже говорил вам, что желаю видеть вас, императорского офицера, на службе короне.

– Но, ваше превосходительство, мне было бы жаль оставить Компанию.

Муравьев перебил его:

– Я слышал, вам предлагают пост главного директора колонии. Это заманчиво и выгодно. Но если государь все утвердит, а в этом нет никакого сомнения, то вы получите широкий простор для своей деятельности и широкую дорогу на государственной службе...

– У меня же дети, ваше превосходительство, и я должен подумать о них...

– Да, главный директор получает десять тысяч серебром. Я не могу дать вам такой оклад! Но с утверждением вас в новой должности вы получите чин контр-адмирала...

Муравьев снова метнул острый взгляд на собеседника.

У Завойко не было никаких оснований не верить, и он некоторое время отнекивался и сетовал на разные семейные обстоятельства, потом сказал, что уже думал много о предложении губернатора и просит дозволить еще подумать и все решить до расставания в Якутске, куда он должен был ехать сопровождать губернатора, что он не может оставить детей без средств...

– Вопрос должен быть решен! – заявил Муравьев. – Я пишу государю! Решайте быстрее! Завойко слушал с живым интересом. Времени, конечно, было мало.

Муравьев потребовал Ваганова с картой, и дальнейший разговор с Завойко шел как с будущим губернатором Камчатки, которому открываются все планы. Василий Степанович не возражал. Муравьев объяснил, как надо укреплять Петропавловск и подходы к нему, сказал и про Тарьинскую губу, и про канал...

– Вас это не страшит?

– Так то ж мое дело – возводить и сооружать! – воскликнул Завойко. – Аян и Охотск тому живые свидетели. Так буду рыть канал, как только прибуду на Камчатку, только б были люди, хлеб и лопаты... И то уж дело вашего превосходительства.

– Да все будет... Каналы есть признак цивилизации! Белинский ратовал за каналы и за железные дороги!

«Вот он еще заставит пообещать, чтобы я ему железную дорогу на Камчатке выстроил из-за Белинского», – подумал Завойко.

По части канала он полагал, что решится все на месте, и к этим разговорам о канале отнесся скептически и не подал вида.

Завойко сделал в этот вечер много дельных замечаний о переустройстве Камчатки. Он даже сказал, что, конечно, если нападёт английский флот, то при помощи канала будет непременно окружен и уничтожен.

«А Машин – размазня какая-то! – слушая его, думал Муравьев. – Вонлярлярский – болтун и фантазер».

Муравьев, между прочим, заметил, что Завойко отзывается о Вонлярлярском так же зло, как и тот о нем. Но ни Вонлярлярский, ни Машин ни в какое сравнение с Василием Степановичем не шли.

Завойко был опытным морским офицером. До перевода в Аян он дважды – еще младшим офицером – совершал кругосветные переходы. В Аян Завойко ехал сухим путем через Сибирь, после женитьбы. Завойко бывал прежде на Камчатке и представлял многое, о чем говорил губернатор. Он соглашался со всеми его планами и обещал приложить все усилия, чтобы обустроить порт и город, создать две линии батарей, укрепить вход в гавань и в бухту... Тут же стали высчитывать, сколько нужно людей.

Было уже поздно, когда Муравьев, которого во все время беседы не покидала мысль о Невельском, спросил, что же теперь делать с поисками «Байкала».

– Я жду Орлова со дня на день, – ответил Завойко. – Уж он без сведений о «Байкале» не вернется. По моим расчетам, он вот-вот должен быть.

Муравьев сказал, что не может тут задерживаться, что охотно прожил бы еще неделю, но дела требуют в Иркутск.

– Наговоримся с вами в пути, когда станете показывать мне новую дорогу...

Речь зашла об отправке. Завойко обещал не задерживать. Кони были уже приготовлены и паслись в тайге.

– А кто такой этот Орлов? – вдруг спросил губернатор. Он уже заметил, что об Орлове говорят в Аяне так, словно это какой-то знаменитый путешественник и следопыт.

– Бывший штурман, – ответил Завойко.

– Как же он найдет «Байкал» на лодке, когда корабль не мог сыскать его?

– Да! Это такой человек, ваше превосходительство!

– За что сослан?

– За убийство!

– За убийство?

– Да, он с любовницей своей убили ее мужа, хотя это и сомнительно.

Муравьев покачал головой и подумал, что Завойко не церемонится с этим Орловым и как ссыльному дает вот такое поручение плыть через море и что это, видно, тут в порядке вещей. Муравьев уж и сам привыкал к этому взгляду сибирских чиновников, по которому ссыльных за людей не считали. Муравьев тоже сплошь и рядом пользовался услугами образованных ссыльных. В надежде на помилование или на прощение, которая никогда не покидает ссыльных, те готовы выполнять самые трудные поручения. Этим пользовались с огромной выгодой все, в чьем ведении бывали ссыльные.

Завойко показал карту лимана Амура, составленную Гавриловым, и рассказал о подробностях его экспедиции. Муравьев, который казался во время разговора о гибели «Байкала» расстроенным, оживился, но не от того, что услышал доводы Завойко. Он почувствовал досаду и гнев при виде карты Гаврилова. Ее до сих пор как бы скрывали от генерал-губернатора. Хотя об экспедиции и о ее результатах Муравьев слышал, но карта хранилась в правлении Российско-американской компании в Петербурге, а копия в компанейской фактории, здесь, и сейчас ему показалось оскорбительным, что до сих пор его, губернатора, никто не уведомил о ней.

За время своего путешествия Муравьев начинал ненавидеть Компанию. Она тут была всесильна. Правительственные чиновники без ее поддержки ничего не могли сделать, ничего не значили. Служащие Компании без труда могли подорвать любое начинание.

Он твердо решил назначить Завойко камчатским губернатором, перехватить этого администратора у Компании. Уж Василию-то Степановичу Компания противодействовать не будет! А что он дельный человек – сомнений не было. «Может быть, и не очень образованный, – рассуждал губернатор, – но это, кажется, и лучше... Прост, честен, в нем нет никакой претензии».

Но он не стал говорить о Компании. В другой раз! Сегодня уже поздно. А Завойко говорил, что новая аянская дорога хороша, что он в свое время тоже поднял вопрос об Амуре и побудил отправить экспедицию Гаврилова и что, оказалось, Амур негоден, и поэтому сухопутная дорога на Маю требует внимания, средств и улучшения.

– Ее надо заселить, ваше превосходительство!

«Да, вот карта, за которой охотятся англичане, – думал Муравьев, и его снова охватывала обида. – Я же впервые вижу ее не из рук своего чиновника, а из рук служащего Компании... Делать нечего, если «Байкал» погиб. Придется сидеть на аянской дороге, губить шесть-семь тысяч лошадей в год... Впрочем, еще посмотрим...»

Губернатор прошел в спальню. Екатерина Николаевна при свете свечи читала Поль де Кока.

Мысли о том, что в России несовершенно управление, что дворянство не понимает интересов страны, что чиновнический аппарат из рук вон плох, пришли в голову Муравьеву.

«На самом деле! Мне – генерал-губернатору – ни разу не показали карту Гаврилова! Невельской не мог видеть этой карты, судно его из-за этого разбилось. А карты лежат у начальника Аянской фактории и в правлении Компании... Невельской и Баласогло правы, – спустившись с Севера на Амур, русские освоют этот край. Но Амур надо занимать под тем предлогом, что он нужен лишь как путь на Камчатку».

– Ну, как тебе понравилась хозяйка? – спросил Муравьев у жены.

– Очень милая дама, – ответила Екатерина Николаевна, поднимая голову и откладывая книгу.

– Кажется, с большим характером, – заметил губернатор.

Жена его улыбнулась.

– Завойко соглашается быть камчатским губернатором! – сказал Муравьев. – Он труженик и хозяин. Разве можно его сравнить с какой-нибудь петербургской расфранченной дрянью?

Из хохлов, своим горбом вытрудил чины, проводит дороги... И с чувством юмора... Врангель не дурак, знал, за кого племянницу выдавать. Он заметил дельного человека. А вот я теперь отберу его к себе. Он улыбнется Компании! А как ты думаешь, почему баронесса Врангель вышла замуж за хохла? – спросил он жену.

– Любовь, мой друг!

– Не только любовь. Дядя-адмирал ей такую любовь бы прописал! Он не только на баронессе, он на самой Компании женился. Он замечательный человек и практичный, и безответный, какого и надо было Врангелю. Тот живо это угадал... У Юлии отец умер, семья была большая, вот и решили выдать ее за своего офицера и отправить их сюда, во-первых, чтобы был тут свой глаз, потом предполагали, что Завойко освоится и при покровительстве дядюшки станет правителем всей Компании на Аляске. Здесь он только практику проходит, а карьера ему назначена на Аляске. Вот поэтому и выдали за него баронессу Врангель. Чтобы семье покойного отца ее был кусок хлеба. Немцы зря, без расчета, не возьмут русского зятя. Но Завойко не дурак и уйдет ко мне!

– Он очень понравился Элиз.

– Ну, Элиз и Иннокентий понравился. Она во всех влюблена, наша Лизавета.

Муравьеву не нравился роман Элиз с Мишей. «Не дай бог, он всерьез влюбится... Отвечать перед родственниками за такой брак я не желал бы. О люди, люди! Только недосмотри...»

Он вспомнил, как однажды требовала Элиз, чтобы Миша был при ней. Разговор был в Иркутске, когда они познакомились. Элиз заявила губернатору, что она одинока и просит, чтобы Мишель был всегда при ней... Из любви к Мише пустилась в этот путь?

Завойко тем временем на мезонине шепотом передавал жене подробности своей беседы с губернатором.

– Да уж буду я генералом! Ей-богу, буду! Как Антон Антонович захотел, чтобы ты была у меня генеральшей! Только бы Муравьев не оказался Хлестаковым.

Решено было, что утром Завойко даст согласие губернатору и отпишет сразу же в правление Компании Василию Егоровичу – брату Юлии, а также дядюшке Фердинанду Петровичу, что хочет уходить из Компании.

– Довольно Завойко быть в Компании, – шептал Василий Степанович, – пусть дядюшка Фердинанд Петрович прочтет, что люди уже обратили внимание на Завойко и что Завойко сам будет адмиралом...

Ему хотелось доказать дядюшке, что не из его рук, своим умом и своими трудами добился он своего счастья и достатка.

А Юлия Егоровна рассказала, что она долго беседовала с Муравьевой и что та ей опять помянула, как Николай Николаевич доволен, что встретил такого человека, как Завойко, и прочит ему будущее...

А Элиз и Корсаков сидели в саду в беседке и говорили по-французски при свете луны. После долгой разлуки они впервые остались наедине.

Темнели длинные стволы редких берез, на море виднелись огни «Иртыша», и сам корабль, стоявший на якоре, то исчезал, то появлялся в клочьях плывущего тумана.

Элиз очень нравилась Мише, но он знал, что его батюшке с матушкой и генералу совсем неужодна была бы его женитьба на ней, если бы даже она оставила сцену. Но в то же время душа его ликовала, так приятно было, так льстило, что Элиз с ним.

А Элиз чувствовала, что путешествие идет к концу и с ним кончается все...

Глава девятая. Военный совет в Аяне

– Как быть с поисками «Байкала», господа? – спросил Муравьев. – Что делать в том случае, если Невельской погиб? Вот два вопроса, на которые мы должны ответить...

Ваганов вызывался идти к устью Амура на «Иртыше» и немедленно принять меры к розыску Невельского и его команды. Он бывал вблизи тех мест с Миддендорфом и снова рвался туда. Остальные согласились с мнением Завойко, что следует ждать возвращения Орлова и что слухи еще могут быть ошибочны. Ваганову возражали, что дело к осени и всякие поиски сейчас, когда вот-вот бухты и заливы начнут покрываться льдом, окажутся бесполезными.

– Если «Байкал» разбит, надо команду искать сухим путем, – говорил Завойко.

Мысль о морской экспедиции была отвергнута. Василий Степанович обещал, как только Орлов прибудет, в случае если он не доставит сведений, отправить людей берегом. Долго говорили о том, как поступить, если Невельской погиб и если на самом деле команду «Байкала» вырезали гиляки. Наконец все было решено.

– Итак, господа, благодарю вас за поданные мнения, – сказал Муравьев. Он обратился к Завойко: – Василий Степанович, дела закончены, и я еду в Якутск.

Грустное чувство охватывало Муравьева. Жаль было Невельского и жаль так славного начатого дела. Рушился еще один замысел... И все же очень интересно было и впереди: видеть аянскую дорогу, плод трудов Завойко, узнать, как в дремучей чаще, на реках живут привезенные сюда крестьяне. Это надо было увидеть и знать. Муравьев считался с необходимостью и умел находить интерес во всяком деле. Послезавтра в путь... Прощай, море...

– Ну а теперь, Василий Степанович, о делах Компании! – сказал губернатор, отпустивши членов военного совета. – Вчера я не стал касаться этого вопроса.

– Ох! Уж я давно желаю пожаловаться вам, ваше превосходительство! Эта компанейская деятельность вконец меня изнурила и лишила здоровья и губит меня и всю мою семью...

Губернатор хотел видеть ту сторону деятельности Завойко, которой он был известен и за которую был так ценен Компанией. По виду Аяна можно было о многом догадаться.

Завойко стал рассказывать о своей хозяйственной деятельности.

Впервые за время своего путешествия губернатор почувствовал себя в сфере коммерческих интересов Компании. Тут все дышало интересами ее пайщиков. «У Компании нет и не может быть той цели, – думал Муравьев, – что у меня...»

И он знал теперь, что когда-то во главе Компании, основанной для добычи пушнины на американских землях, открытых Шелиховым, стояли иркутские купцы. После смерти Шелихова правителем и главой всего дела была вдова и спутница Шелихова в его великих открытиях. Но со временем петербургские вельможи прибрали все к своим рукам, перевели главное правление из Иркутска в Петербург. Они стали получать миллионы чистого дохода. За последние годы дело, начатое иркутянами, «перешло», как выражался Иннокентий, порассказавший кое-что губернатору и подливший масла в огонь, «в руки лютеран» – придворных немцев. Компания была монополистом, не знала конкуренции. Акционеры ее богатели, а служащие в «колониях» думали лишь о сохранении дивидендов на прежнем уровне.

Муравьев заметил, что Завойко всегда жалуется на что-нибудь, охает и клянет свою судьбу. Поначалу это удивляло губернатора. Но теперь он понял, что это жалобы человека, который одновременно отлично все делает и преуспевает. Жалобы и проклятья не мешали Завойко жить и обзаводиться всем необходимым. И не только обзаводиться, по и стяжать себе добрую славу в Компании, быть на отличном счету.

Василий Степанович надел фуражку и повел губернатора.

– Ох! – вздохнул он, подходя к огромному амбару. – Боже мой! Сейчас увидите все наши грехи, что мы еще не успели вывезти, хотя тысячу лошадей уже отправили и возим все лето и всю осень...

Сильной рукой Завойко распахнул широкую дверь бревенчатого пакгауза. До потолка громоздились кожаные тюки с пушниной, привезенные из американских владений. Это все

было добыто охотниками: индейцами, алеутами и русскими на Аляске, Прибыловых и Алеутских островах. Со времени Шелихова осталась та же упаковка, та же сортировка.

– Вот морские котики! – сказал Завойко. – Отсюда они пойдут по новой дороге на Маю, в Якутск, а оттуда в Иркутск и Кяхту для продажи в Китай. Эти коты – наше золото, чем богата Компания и все акционеры. – Завойко стал рассказывать, как идут запросы из Петербурга, много ли забито котов, сколько отправлено, каких, куда... – А как этих котов быют нынче все иностранцы – то бишь силеры как они себя сами называют, – так про то ни слова, хоть я и писал уже не раз. Наши богатства разве так надо охранять! Право же, ваше превосходительство, если не спохватимся вовремя, то все погубим...

Дощатый пол в узких коридорах между тюками был выструган и чист. Пахло салом шкур и свежерубленным деревом. Эти два запаха – новых построек и пушнины – преследовали губернатора все время, пока он обходил Аян.

«Так вот они, знаменитые амбары Компании!» – думал он, глядя на груды драгоценных мехов.

Муравьев не был достаточно богатым человеком, чтобы не завидовать тем, кто получает миллионы от продажи этих шкур, не зная даже, как они добываются. В душе у него накопилось против Компании. Брать миллионы и ничего не давать! Завойко, родственник председателя Компании, и тот уверяет, что богатства не охраняются, гибнут, что иностранцы разбойничают!

Другой сарай был заставлен бочками с красной рыбой.

– Только что закончился лов ее, – сказал Завойко. – Это хлеб здешнего населения. Так же как и на Камчатке! Я наладил сам вылов и сам плел невода, учил всех, и теперь все сыты.

Часть сарая была отведена под магазин, где хранились товары: попроще – для туземцев, а получше – на продажу иностранным китобоям. Завойко сказал, что среди шкиперов есть у него знакомые и что все они большие каналы, но его боятся, и что сигары, которыми он вчера угощал, доставлены из Манилы одним из этих шкиперов и что тысяча штук будет упакована Николаю Николаевичу к отъезду, так как таких сигар нельзя сыскать в Петербурге ни за какие деньги.

Солнце поднялось высоко, когда губернатор и Завойко вышли, закончив осмотр. Море, ярко-синее, как на юге, ослепительно сверкало. Листва и иглы опадали. На вершинах сопот отчетливо видны были лиственницы и белые березы, издали похожие на слабую щетину.

– Мне приходилось кормить все население по побережью, – рассказывал Завойко. – Если же нет улова, сущее несчастье. Тогда я вызываю оленных тунгусов из глубины материка и снабжаю население оленьим мясом на выгодных условиях.

– На выгодных условиях? – переспросил губернатор.

– Да, на весьма выгодных... К тому же раздаю рыбу, помогаю окрестному населению, пекусь об инородцах, так как сознаю, что они тоже есть подданные императора.

А море, едва вышли из строений, напоминало о Невельском...

– Что же представляет собой Аян в военном отношении? – спросил Муравьев.

– Очень выгодный пункт. Сопки дают возможность господствовать над морем!..

Но чем больше говорил о своей деятельности Завойко, тем мрачней становился Муравьев. На душе его было тяжело, словно он предчувствовал какое-то новое, еще неведомое несчастье...

– Завойко вчера говорил, что слухи, видимо, ложны, но сегодня сказал, будто бы один тунгус видел гиляков, на глазах которых «Байкал» потерпел крушение по выходе из лимана, а команду действительно перерезали, – говорил губернатор, возвратившись домой.

Екатерина Николаевна с тревогой посмотрела на мужа.

– Я как без рук, – в горькой досаде воскликнул Муравьев. – Завойко прекрасный хозяин, но заменит ли он Невельского! Мне нужен Амур...

Екатерина Николаевна много слыхала о Невельском и давно ожидала встречи с этим офицером. За последнее время муж и все его спутники только и говорили о нем, и она желала видеть этого смелого моряка, о котором было столько разговоров.

– Хотя бы карты описи сохранились! – вымолвил Николай Николаевич.

Екатерина Николаевна отлично понимала, что теряет ее муж с гибелью «Байкала». Он возлагал большие надежды на путешествие этого судна! Сколько неприятностей ждет мужа в Петербурге – ведь Невельской ушел на открытие без инструкции. Она представляла себе гибель этого отважного офицера там, на подводных скалах Амура, пожертвовавшего собой, как ей казалось, ради ее мужа. Теперь надо ехать, впечатлениями дороги рассеять гнетущее чувство. Но ей жаль умного, смелого человека. Она была по натуре добра, часто заступалась за тех, кого наказывал муж...

– Ты расстроена?

– Все это очень неприятно!

– Да... Невельской погиб из-за нашей вечной небрежности и опасений!.. – воскликнул

Муравьев. – Теперь планы мои подвергнут сомнению и я буду выглядеть пустозвоном.

Вечером Муравьев пригласил к себе Завойко.

– Какие новости? – спросил он.

– Да все подготовлено, и коней уже пробовали завьючивать, – ответил Завойко.

– Я не об этом, Василий Степанович.

– Приготовлена «качка» для Екатерины Николаевны. Удобно будет ехать, как в гамаке.

Муравьев помолчал, хмурясь.

– А «Байкала» все нет? – тихо спросил он.

– Нет, ваше превосходительство, – ответил Завойко с таким выражением лица, словно хотел сказать: «Простите, ваше превосходительство, тут я ничего не могу...»

– Я доволен вашей деятельностью, Василий Степанович. Но вот вы живете здесь много лет...

– Семь лет, ваше превосходительство!

– А не занимаетесь вопросами Амура? – продолжал Муравьев.

– Да как же «не занимаюсь»?! – изумился Василий Степанович. – А кто же первый возбудил вопрос? Я день и ночь думал об этой реке и в свое время развил в этом направлении деятельность.

– Что же это за деятельность?

– Да я посылал товары, людей к мысу Коль. Вот и нынче туда поехал Орлов. Мыс Коль у самого лимана. Совсем неподалеку! Я всегда помнил об этом.

– Но не хотели бы вы еще раз заняться исследованием самого устья?

– Конечно, мог бы! Я согласен вполне, что надо еще раз исследовать...

Муравьев слушал, постукивая пальцами по столу.

– Ведь если лиман доступен, это было бы отлично? – спросил он.

– Только то невозможно! – ответил Завойко.

– Но если бы?

– Конечно, было бы отлично! – подхватил Василий Степанович.

– Так нужно произвести исследования снова! Ведь могла быть ошибка! Поймите! – Муравьев прошелся по комнате. – В будущем центр тяжести международных отношений перенесется с Запада на Восток. Будущее Тихого океана огромно. Как мы можем быть безразличны к судьбе наших владений на Востоке?! Нам надлежит взять пункт, господствующий на океане. Нам нужен Амур! Пусть, пусть недоступен лиман. Перегрузку будем делать на устьях. Мы должны Амуром подкрепить Камчатку. Подвоз всего необходимого по Амуру нам необходим!

– Да я же все меры уже принимал! Так, ваше превосходительство, уж если нужно новое исследование, так и будем делать, как вы желаете. Исследование Амура мы можем продолжать

с Камчатки! Там у нас будут суда, и это вполне возможно сделать. Уж как я начал это дело, то не позволю пропасть ему и, будучи на Камчатке, не оставлю дела без своего внимания. Орлов бывал там и прежде, он опытный человек, и я опять его туда пошлю.

Но Завойко в душе тревожился. «А что если дядюшка ошибся?» – думал он. Сам он верил до сих пор Фердинанду Петровичу как великому ученому.

Отпустив Завойко, Муравьев почувствовал, что на душе у него легче. Муравьев ценил родственные связи Завойко с семьей Врангелей. Он надеялся, что для Камчатки они будут полезны. «У меня пока ни тут, ни там ничего нет, а у Компании и средства, и суда, и товары». По всем признакам, нельзя было и желать лучшего губернатора для Камчатки.

Он разглядывал карту Камчатки, потом перевел взор на Аляску, на Калифорнию, на острова южных морей.

Но стоило взглянуть туда, где прямой синей дорогой из Забайкалья к морю прочерчен был Амур, как настроение падало. Великие планы общения с огромным миром будущего проваливались. Чем лезть через хребты, губить по несколько тысяч лошадей в год на тракте, чего бы проще и удобней сплавлять все по реке! Он чувствовал, что без Амура все дутое, все пустое.

Вечером в Аян стали прибывать якуты с лошадьми, которых пасли они в отдалении от Аяна, за хребтом, на лугах. Появились олени. Завойко, готовясь к отправке губернатора, проверял копыта лошадей, сам ходил в шорную, где срочно заканчивали делать особые седла, и обо всем докладывал губернатору.

Рано утром Муравьев поднялся не в духе.

– Ты опять так грустен? – ласково тронув руку мужа и заглядывая ему в глаза, спросила Екатерина Николаевна. – Ведь мы скоро будем дома! Там ждет нас так много интересного. И не обижай их, этих простых, преданных тебе людей...

– Жаль Невельского! – ответил он. – Без него я как без рук.

Оставив дела, губернатор отправился на прогулку; он ушел к морю и долго в одиночестве ходил по песчаной отмели, поглядывая вдаль.

– Ни паруса, – сказал он жене, воротясь.

Элиз сидела тихо – она знала, что погибли прекрасные молодые офицеры и в Петербурге во многих аристократических домах наденут траур.

Муравьев рассказал, что по дороге изругал Струве. Он подошел к столу, стал разбирать бумаги.

– Все рухнуло. Все мои надежды погибли...

Екатерина Николаевна хотела теперь лишь одного – чтобы муж уехал отсюда поскорее, в дороге ему будет легче.

– У нас в России вот так всегда из-за подлости и трусости гибнут лучшие люди... – сказал он. – Если даже он жив где-нибудь, то теперь, после гибели судна, понесет ответственность... Конечно, никакие исследования долго не будут теперь возможны...

Муравьев решил, что, чего бы то ни стоило, надо искать Невельского. Он уже отдал приказание Завойко немедленно, не ожидая Орлова, снарядить берегом экспедицию за счет правительства на поиски людей, спасшихся с «Байкала».

За завтраком Муравьев сидел молча, не вмешиваясь в разговор жены с Элиз. Камердинер подал икру, жареные клешни крабов и водку. Губернатор выпил рюмку и стал закусывать. Вдруг на улице раздался крик:

– Корабль в море!

За столом все замерли. Муравьев вскочил с салфеткой на груди и бросился к окну. Поднялись и женщины.

– Николай Николаевич! – взбежал, гремя новыми солдатскими сапогами, Корсаков. – «Байкал» показался у входа в Аянскую гавань...

– Трубу! – приказал Муравьев, протягивая одну руку за трубой и ударом другой распахивая окно.

Екатерина Николаевна подала трубу. Вдали виднелось судно под всеми парусами.

– Корабль! – вымолвил губернатор. Он взглянул на жену мутным, тяжелым взором отчаявшегося, который не верит в избавление и просит отзвука и подтверждения.

Лицо Екатерины Николаевны сияло.

Муравьев решительно, всем корпусом, повернулся к Корсакову:

– Немедленно отправляйтесь навстречу!.. Живо!.. Да!.. Передайте ему инструкцию немедленно. Приготовить мой катер! Завойко ко мне! Где Струве?..

Корсаков быстро вышел.

Чиновники и офицеры суеились во дворе. Корсаков, отдавая распоряжения, направился к берегу. К бухте бежали люди.

– Василий Степанович! – вскидывая обе руки, радостно воскликнул Муравьев, обращаясь к вошедшему в парадной форме Завойко. – Едем встречать...

– Катер готов, ваше превосходительство! – доложил тот.

Муравьев заметил, что Завойко волнуется.

– Катенька, я еду сейчас же к Невельскому, – сказал жене губернатор, целуя ее в лоб. – Собирайтесь все, господа! – обратился он к своим спутникам, вошедшим вслед за Завойко, чувствуя, что приближается историческая минута.

– Элиз, Элиз! – воскликнула губернаторша, проводив мужа и подходя к мадемуазель Христиани, смотревшей в окно, и обнимая ее за плечи. – Какое счастье, они живы!

Слезы радости заволокли ее глаза.

В окно видно было, как небольшое судно огибало косу, на которую выбегали волны. Шлюпка с Корсаковым уже направлялась к нему.

На берегу губернатора ждал катер с гребцами. Все уселись. Завойко сел рядом с рулевым.

– Весла на воду! – скомандовал он. – Навались!

Гребцы что было сил налегли на весла. Завойко поднял на корме Андреевский флаг. Катер понесся. Берег, скалы, лес в желтых осенних пятнах поплыли прочь. Дома фактории с белыми широкими крышами и новые светлые строения Аяна становились все меньше. Навстречу приближался «Байкал». Вот уж видны офицеры на юте, густая толпа офицеров, на солнце поблескивают пуговицы и кокарды. Сразу видно, что это не компанейское судно, где обычно всего один штурман, а что пришел балтийский военный корабль. Офицеры не спускают с катера подозрных труб. Впереди офицер с рупором, взмахивая рукой, иногда что-то приказывает, оборачиваясь к матросам. Это, конечно, сам Невельской!

Черный борт судна подымается все выше. Уже видны белые буквы на корме: «Байкал».

– Он! Прибыл, цел и невредим! – проговорил Муравьев, щуря свои острые глаза и чувствуя, что восторг и волнение охватывают его.

Теперь уж ясно видно крупный нос под фуражкой и загоревшее лицо Невельского. Капитан ниже всех, но в нем что-то богатырское. У него сейчас такой вид, словно он притащил на себе все это судно вместе с командой и офицерами.

На палубе раздались слова команды. Матросы строились с ружьями. Готовилась официальная встреча губернатора.

– Геннадий Иванович! – подымаясь в шлюпке, с нетерпением воскликнул Муравьев. – Где вы были? Я всюду искал вас! Откуда же вы явились?

Невельской отдал рупор, кинулся к борту и, положив на него обе руки, вытянул шею.

– Сахалин – остров! – раздалось над морем. – Вход в лиман и в реку Амур возможен для кораблей с севера и с юга! Вековое заблуждение рассеяно! – хрипло кричал он, видимо, сильно волнуясь и торжествуя свою победу. – Истина обнаружена! – И он поднял руку.

– Суши весла! – приказал раскрасневшийся Завойко.

На судне грянула команда. Звякнули ружья почетного караула. Шлюпка подошла к уже поставленному парадному трапу. Офицеры кинулись к губернатору, но тот отстранил их руки и, не держась за поручни, взбежал по трапу и кинулся с протянутыми руками к Невельскому...

– Дорогой мой Геннадий Иванович! – воскликнул он, горячо обнимая капитана. – Как я рад! Боже, как я рад!

Невельской загорел и на вид очень молод. Из-под черного лакированного козырька гордо сверкают юные синие глаза. Лишь привычная дисциплина и привычка самому повелевать держала его, как оковы, но от этого пылкая душа бушует и рвется еще сильнее. Голова его приподнята с решительным и энергичным выражением. Черты его лица крупны и приятны.

– Получили инструкцию, Геннадий Иванович? Ты передал инструкцию? – строго обратился Муравьев к Корсакову, вытирая платком глаза.

– Да, ваше превосходительство. Только что.

– Мы ждали ее в лимане... – спокойно заметил Невельской. Почувствовалось, что это человек твердый и с характером.

– Вы встретили Орлова?

– Да, но и он не доставил инструкцию, а «Байкал» зря стоял у входа в лиман и ждал...

Невельской посмотрел на Завойко.

– Знакомьтесь, Геннадий Иванович, – представил Муравьев Завойко.

Две крепкие руки протянулись друг к другу. Капитан рад был встрече, зная, что Завойко один из русских пионеров на охотском берегу.

– Так я хочу немедленно видеть карты! – сказал губернатор.

– Идемте в каюту, Николай Николаевич, идемте, господа, – пригласил капитан всех гостей и своих офицеров.

Невельской, сбегая по трапу, остановился посередине, как бы не пуская дальше губернатора.

– Стопушечные корабли войдут в устье Амура! – вдруг воскликнул он, радуясь, как ребенок, приблизив лицо к лицу Муравьева, который от неожиданности несколько отстранился, а Невельской, не замечая, подергивал его за пуговицу на мундире, словно губернатор слушал его недостаточно внимательно. – Дуб растет на берегах!

Он сбегал и распахнул дверь капитанской каюты.

Глава десятая. НА БОРТУ «БАЙКАЛА»

Каюта была обшита полированной желтой финляндской сосной. Из нее же, в тон стенам, стол, мебель и полки с книгами.

Тут целая выставка предметов, которые не сразу различишь, хотя яркое осеннее дальневосточное солнце льется в иллюминаторы через обручи сверкающей желтой меди. На стенах – низкие конические белые шляпы из бересты, чуть ли не в аршин диаметром, с черными и красными аппликациями из березовой заболони, кожаные и деревянные щиты, старые деревянные латы, крытые лаком, копья с древками из бамбука и со стальными наконечниками чуть ли не в фут длиной, трубки с длинными мундштуками из бамбука же и с маленькими медными чашечками, кисеты и сумы из оленьей кожи, сапоги и куртки из нерпичьих шкур, напоминавших желтый бархат, халат из рыбьих кишок, похожий на топорщившуюся пергаментную бумагу, испещренную швами, как татуировкой.

Чувствовалось, что это каюта человека, вернувшегося после открытий из стран таинственных и своеобразных.

В углу – узкий темный штурманский стол с ящиками для карт, немного похожий на комод. Посередине – другой, обшитый клеенкой. Таков маленький салон при каюте капитана. Тут все сдвинуто тесно, но все есть, даже деревянный диван и кресло.

– Прежде всего, чей Амур, Геннадий Иванович? – спросил Муравьев, войдя в каюту и держа обе руки с раскрытыми ладонями, словно желая схватить ими капитана за плечи.

– Ничей, Николай Николаевич! – в тон ему воскликнул Невельской, точно так же раскидывая ладони. – На устье Амура живут независимые гиляки, дани никому не платят и никакой власти над собой не признают. Мы встречали гиляков, которые знают кое-что по-якутски и даже по-русски!

– Быть не может!

– Клянусь Богом, Николай Николаевич!

– Вы входили туда на судне?

– Мы исследовали реку на шлюпках, транспорт остался в лимане, ждал инструкции...

Тут капитан осекся; казалось, он чего-то не договорил.

Между тем пожилой штурманский офицер, возившийся у штурманского стола, достал оттуда пачку карт и развернул одну из них перед губернатором.

– Садитесь, господа! – приказал Муравьев своим спутникам и сам опустился в затянутое парусиновым чехлом капитанское кресло. Офицеры «Байкала», уступая места у стола гостям, держались у стен и даже отступали в нишу, задернутую занавесью. Все ожидали, тая дыхание, и слышно было, как шелестят разворачиваемые штурманом листы.

– Где вход в лиман? – спросил Муравьев.

– Вот и вот, – показал капитан в разных концах небольшой карты.

– Как? Два? И с юга?

– Так точно, ваше превосходительство. Вот вид с юга...

– Так Сахалин – остров?

– Так точно...

– И пролив глубокий?

– Шесть сажен на бере в малую воду.

– А с севера?

– Вот вход в лиман с севера...

– Это в лиман. А в реку?

– А в реку из лимана вход удобен повсюду. На юг и на север ведут два широких фарватера...

Молодые офицеры заулыбались, чувствуя восторг губернатора: чуть заметное оживление пронеслось по каюте, но тотчас же все, как по команде, стихло, выказывая почтительность и дисциплину. Снова почувствовалось, что это балтийский корабль. Офицеры тут, как знал Муравьев, на выбор взяты были капитаном в Кронштадте, и большинство из них служило с великим князем и Литке на знаменитой «Авроре».

– Так где же решилось? – отрываясь от карты, спрашивал губернатор.

– Вот, у входа в лиман, с севера; вот фарватер, оказалось, глубина двадцать девять футов. Завойко, положивши ладонь на стол, посмотрел на карту.

– Так здесь ваше открытие? – тыча пальцем в карту, спрашивал губернатор.

– Здесь наше первое открытие! – отвечал капитан. – Мичман Грот, – представил он белокурого великана с румяными щеками, – первый обнаружил этот фарватер... А вот наше второе открытие. Пролив в Японское море...

Все стали рассматривать карту. Раздались первые вопросы «свитских».

– А-а! Так тут Сахалин... Позвольте, позвольте... Вот так его берег протянулся?

– Остров?... А глубина...

– Ну что вы скажете!

– Вы говорите, вот Сахалин? – раздавались голоса.

– Нет, не здесь, это южный берег Амура. Вот Сахалин! – объяснил Муравьев.

– Вот южный берег, господа, а вот северный, – заговорил Невельской. – Это общая картина. Есть подробные карты... Александр Антонович, – обратился он к пожилому штурману, который понял его сразу.

Капитану задали еще несколько беспорядочных вопросов.

– Дозвольте, ваше превосходительство, изложить ход исследований в том порядке, в каком они производились, – обратился капитан к губернатору, когда главное было ясно, но любопытство еще далеко не улеглось.

– Слушаю вас, мой дорогой Геннадий Иванович. Слушаю, со вниманием и нетерпением!

Первый жадный и тревожный интерес был теперь утолен. Начинался официальный доклад.

Штурманский офицер доставал новые карты и быстро и почтительно раскладывал их.

– Ваше превосходительство, мы начали исследование устьев Амура у восточного побережья Сахалина на широте пятьдесят один градус тридцать семь минут, – заговорил капитан.

Нервное и загорелое лицо его, незадолго перед тем такое радостное, необычайно изменилось. Только темные синие глаза остро и живо поблескивали, как у бойца перед боем. Но и этот взор постепенно менял свое выражение. Большой лоб, прямой нос с горбинкой, глаза, запавшие под светлые брови, жесткие морщинки у губ – все выражало суровый фанатизм, так необычайно преобразивший лицо капитана. Что-то глубоко славянское, степенное и вдохновенное было в нем, хотя, быть может, в то же время походил он несколько и на какого-то жителя Северной Европы, на ирландца или норвежца, или, может быть, в нем было что-то от немецкого капитана.

«Черт знает, как он меняется, – подумал Муравьев. – Несмотря что вышколенный, а кажется, кипиток...»

Ничего не напоминало сейчас того живого, сияющего офицера, который только что, не в силах сдержать восторга, хватал губернатора за пуговицы и торопился сообщить на трапе главнейшее...

В ранние годы, да иногда и потом, пылкость, порывистость приносили ему много горя. Он рано почувствовал, что должен воспитать в себе систему, учиться все излагать терпеливо, последовательно, как этого требовалось ото всех и всюду. Сколько горя перенес он в первый год, в корпусе, когда приехал из деревни, как скучал, мучился! Было очень трудно, и пришлось переламывать себя. Потом – море... Нет, кажется, на свете более совершенных средств для исправления нетерпеливых людей, как плавание на парусных судах.

И он научился с годами смирять свою порывистость, а чтобы не заговариваться от возбуждения, заставлял себя излагать последовательно свои мысли товарищам или писал докладные записки начальству о проблемах научных и политических, важных для России, с тем же терпением, точностью и последовательностью, основываясь на научных сведениях и на собственных наблюдениях и статистических выкладках, как, основываясь на квитанциях и на расписках, иногда также собственного сочинения, делали это другие морские офицеры, составляя рапорты о расходах и износах казенного добра, снастей и артиллерийских припасов. И морское начальство, ценя и те и другие бумаги одинаково, считало Невельского дельным и способным офицером. Вот именно так сейчас он взял себя в руки.

– Почему мы, подойдя к восточному берегу Сахалина, начали исследование именно отсюда, с широты пятьдесят один градус тридцать семь минут, тогда как инструкцией, неутвержденную копию которой я получил тринадцатого мая в Петропавловске-на-Камчатке, повелевалось мне произвести опись северной части острова Сахалина, юго-восточного побережья Охотского моря и лимана, а также устья реки Амура? Иван Федорович Крузенштерн, считавший, что Сахалин – полуостров, предполагал, что именно тут, на девять минут севернее пункта, к которому мы подошли, вытекает и впадает в Охотское море один из рукавов реки Амур, то есть что одно из устьев может находиться на восточном побережье полуострова, о чем он не раз говорил нам в корпусе, однако утверждая, что это требует тщательной проверки, что, быть может, Сахалин разделен проливом и представляет собой два разных острова. Мы должны были проверить эти предположения.

Как странно и смешно было слышать обо всех этих ученых ошибках сейчас, когда только что все видели карту с поразительными новостями.

– Поэтому, – отвечая себе, продолжал капитан, – мы начали именно с широты пятьдесят один градус тридцать семь минут. На рассвете двенадцатого июня «Байкал» начал опись, двигаясь к северу по карте Крузенштерна...

Капитан говорил, держа тяжелый карандаш на карте. Как-то странны были в этом стройном молодом человеке с опаленным носом и с небольшими, но сильными пальцами такая ученость и такое спокойствие...

Невельской рассказал о первой встрече о гиляках. Она произошла на острове Сахалин, на песчаных косах у входа во вновь открытый залив.

– И хороши они были с вами? – спросил Муравьев.

– Не очень!.. Они страшились нас, приняв за китобоев. Называли нас «американ», но мы объяснили, что не американцы.

Муравьев, поднявши брови, выказал немое изумление. Жители таинственного Сахалина произносят слово «американ». Американцы известны в этих краях, у нас под носом!

– В деревню были посланы шлюпки, но жители ее не подпустили нас к той части, где были укрыты женщины.

По тому, как сквозь загар зарделись щеки капитана и как остро было сейчас его лицо, чувствовалось, что этот человек рассказывает один из важнейших, чем-то особенно волнующих его эпизодов путешествия.

– Александр Антонович, Шхеры Благополучия...

Штурманы исполняли все живо. Капитана вообще слушались беспрекословно, это было очевидно, хотя, возможно, еще и присутствие губернатора приводило всех в трепет.

Появилась подробная черновая карта описи Шхер Благополучия...

Меня карты, откладывая одни и добавляя другие, капитан объяснил, как, исправив замеченные ошибки предыдущих исследований, описав восточный берег Сахалина и обогнув его северную оконечность, «Байкал» подошел к лиману.

– Таким образом, осмотревши все заливы на побережье Сахалина севернее указанной широты, мы утвердились во мнении, что ни один из них не является устьем Амура...

Завойко, сидя прямо и держа на виду, на ручках кресла, свои сильные руки, слушал с явным недоверием.

Губернатор, почувствовав это, оглянулся на Василия Степановича, но тот не переменял ни позы, ни взгляда, видно, чем-то был сильно озабочен.

– Итак, – словно приступая к чему-то таинственному, продолжал капитан, – «Байкал» шел к югу!

Он умолк.

– Курите, Геннадий Иванович! – сказал Муравьев, замечая, что ему чего-то не хватает. – Вот у Василия Степановича сигары превосходные.

Невельской поблагодарил и, пока штурман возился с картами, раскладывая их и прилагая одну к другой, достал трубку, сказавши, что так привык и что у гиляков выменяли на устье Амура превосходный табак, не хуже самых лучших манильских сортов. Он предложил гостям курить. Но сам, набивши трубку, отложил ее в витую раковину.

– Судно подошло к мысу Головачева, где берега материка и Сахалина сблизились, на море лег туман; судно село на мель, снялись с трудом. – Лицо капитана стало еще серьезней, озабоченней. – Ветер крепчал, и гребные суда заливало. Мы несколько раз садились на мель. Предыдущие исследования убеждали нас в тщетности наших усилий. – Он опять помянул Крузенштерна, Лаперуза, Браутона, тайную опись Гаврилова, карту, которая, оказывается, была ему известна, сказал про общее недоверие, существовавшее среди европейских ученых, к сведениям из японской географии, утверждавшим, что Сахалин – остров. – Но, глубоко веря,

что не может не быть пролива, мы все, как одна семья, решили продолжать опись. Мичман Грот и штурман Попов, при волнении и свежем ветре, следуя перед транспортом на шлюпке, открыли глубокий фарватер, просекавший эту обсыхавшую при малой воде косу, и мичман Грот, высадясь, встал на ее оконечности. Вход в лиман был найден. Заблуждения предыдущих исследований оказались рассеянными!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.